

С.С. ФОРЕСТЕР
**ВСЕ
ПО МЕСТАМ!**

ВЕЧЕ

Хорнблауэр

Сесил Форестер

Все по местам!

«ВЕЧЕ»

1937

Форестер С. С.

Все по местам! / С. С. Форестер — «ВЕЧЕ»,
1937 — (Хорнблауэр)

ISBN 978-5-4444-9250-5

Семь месяцев в море без единого захода в порт дали капитану Горацио Хорнблауэру блестящую возможность превратить шайку завербованных и собранных по тюрьмам людей в настоящих моряков. Но эти «морские волки» устали от однообразия. Чем скорее «Лидия» достигнет побережья Никарагуа, тем лучше. Высадка на берег развлечет людей, можно будет раздобыть воду, свежую пищу, табак и спиртное. Однако приказ сиятельных лордов из Адмиралтейства обернулся непосильной задачей. Хорнблауэр вынужден сотрудничать с человеком, называющим себя потомком Монтесумы, в планах которого расширение собственной «империи» путем сожжения целого города. Выбор у капитана Хорнблауэра совсем небольшой: либо кровавый поход во главе с безумцем на суше, либо атака корабля противника, почти вдвое превышающего боевую мощь британского фрегата. Но все это только часть испытаний. На корабле Хорнблауэра появляется женщина. Да не одна. Карьера удачливого капитана близка к завершению.

ISBN 978-5-4444-9250-5

© Форестер С. С., 1937
© ВЕЧЕ, 1937

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Глава III	15
Глава IV	21
Глава V	28
Глава VI	33
Глава VII	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сесил Скотт Форестер

Все по местам!

© Cassette Productions Ltd, 1945

© Доброхотова-Майкова Е.М., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Я нашел «Хорнблауэра» восхитительным и чрезвычайно увлекательным.

Уинстон Черчилль

«Хорнблауэр» – величайшая из серий в жанре военно-исторической прозы. Прекрасное путешествие, описанное удивительным языком, в обществе лучшего из спутников – Горацио Хорнблауэра.

Бернард Корнуэлл, автор книг о стрелке Шарпе

*Хорнблауэр – это Гамлет на боевом корабле.
New York Times*

Глава I

Только что рассвело, когда капитан Хорнблауэр вышел на шканцы¹ «Лидии». Буш, первый лейтенант, нес вахту. Он козырнул, но не заговорил – за семь месяцев в море он неплохо изучил привычки своего капитана. В эти первые утренние часы с ним нельзя заговаривать, нельзя прерывать ход его мыслей.

В соответствии с постоянно действующим приказом – подкрепленным уже и традицией (вполне естественно, что за столь невероятно долгое плавание сложились свои традиции) – Браун, рулевой капитанской шлюпки, проследил, чтобы матросы чуть свет выдраили и присыпали песком подветренную сторону шканцев. Буш с вахтенным мичманом при первом появлении капитана отошли на наветренную сторону, и Хорнблауэр немедленно начал расхаживать взад-вперед, взад-вперед по двадцати одному футу палубы, посыпанной для него песком. С одной стороны его прогулку ограничивали платформы шканцевых каронад, с другой – ряд рымболтов для крепления орудийных талей. Участок палубы, по которому Хорнблауэр прогуливался каждое утро в течение часа, имел пять футов в ширину и двадцать один в длину.

Взад-вперед, взад-вперед шагал капитан Хорнблауэр. Хотя он с головой ушел в свои мысли, подчиненные по опыту знали – его моряцкое чутье все время настороже. Не отдавая себе отчета, он следил за тенью грот-вант на палубе, за ветром, холодившим его щеку, и, стоило рулевому хоть немного оплошать, отпускал замечание, тем более резкое, что его потревожили в этот самый значительный из дневных часов. Так же неосознанно он примечал и все остальное. Проснувшись на койке, он сразу видел (хотел того или нет) по указателю компаса над головой, что курс – норд-ост, тот же, что и предыдущие три дня. Выйдя на палубу, он машинально отметил, что ветер с запада, слабый, и корабль под всеми парусами до бом-брамселей идет со скоростью, едва достаточной для управления рулем, что небо – вечно-голубое, как всегда в этих широтах, а море – почти совсем гладкое, и лишь долгие пологие валы монотонно вздымают и опускают «Лидию».

Первой осознанной мыслью капитана Хорнблауэра была такая: Тихий океан по утрам, синий вблизи и светлеющий к горизонту, похож на геральдический лазурно-серебряный щит. Он едва не улыбнулся: вот уже две недели он каждое утро ловил себя на этом сравнении. И сразу мозг его заработал четко и быстро. Он посмотрел на шкафут, увидел, что матросы драят палубу, прошел вперед – на главной палубе та же картина. Матросы переговаривались обычными голосами. Дважды он слышал смех. Это хорошо. Люди, которые так говорят и смеются, вряд ли замышляют мятеж – а капитан Хорнблауэр в последнее время постоянно держал в голове такую возможность. За семь месяцев в море корабельные запасы почти истощились. Неделю назад он срезал выдачу воды до трех пинт в день – маловато на десяти градусах северной широты при рационе из солонины и сухарей, особенно если вода эта семь месяцев простояла в бочках и кишит зеленой живностью.

Тогда же, неделю назад, последний раз давали лимонный сок. Уже в этом месяце надо ждать цингу, а доктора на борту нет. Ханки, корабельный врач, скончался у мыса Горн от сифилиса и алкоголизма. Весь последний месяц табак выдавали по пол-унции в неделю – хорошо, что Хорнблауэр взял весь табак под свой личный контроль. Не сделай он этого, безмозглые матросы уже сжевали бы весь запас, а на людей, лишенных табака, полагаться нельзя. Он знал, что нехватка табака тревожит матросов больше, чем недостаток дров, из-за которого им ежедневно дают солонину, едва доведенную до кипения в морской воде.

---

¹ См. краткий морской словарь в конце книги.

Нехватка табака, воды и дров была тем не менее пустяком в сравнении с неминуемой нехваткой рома. Хорнблауэр еще не решился срезать дневную раздачу, и рома на корабле оставалось всего на десять дней. Лучшая в мире команда, если ее лишит рома, станет ненадежной. Они сейчас в Южном море², на две тысячи миль вокруг нет ни одного британского корабля. Не так далеко к западу лежат сказочные острова, там живут красивые женщины, а пища достается без труда. До счастливой, беспечной жизни рукой подать. Какой-нибудь негодяй, осведомленный лучше других, может бросить намек. Сейчас его оставят без внимания, но позже, лишенные блаженного перерыва на грог, матросы начнут прислушиваться. С тех пор как соблазненная чарами Тихого океана взбунтовалась команда «Баунти», каждый капитан корабля его британского величества, заброшенный в эти воды велением службы, неизбежно мучился страхами.

Хорнблауэр, шагая по палубе, вновь пристально взгляделся в матросов. Семь месяцев в море без единого захода в порт дали ему блестящую возможность превратить шайку завербованных или собранных по тюрьмам людей в настоящих моряков, но они слишком долго не видели никакого разнообразия. Чем скорее корабль достигнет побережья Никарагуа, тем лучше. Поездка на берег развлечет людей, можно будет раздобыть воду, свежую пищу, табак и спиртное. Хорнблауэр мысленно вернулся к недавним расчетам местоположения. В широте он был уверен, а проведенные прошлой ночью наблюдения Луны вроде бы подтвердили хронометрические определения долготы – хотя трудно поверить, что на хронометры можно полагаться после семи месяцев в море. Менее чем в ста милях впереди, самое большое – в трехстах – лежит тихоокеанское побережье Испанской Америки. Кристел, штурман, видя уверенность Хорнблауэра, только качал головой, но Кристел старый дурак и никудышный навигатор. Ладно, ближайšie два-три дня покажут, кто был прав.

И тут же в голове у Хорнблауэра заворочались новые проблемы: как провести эти два или три дня. Людей нужно занять. Ничто так не способствует мятежу, как длительное безделье – те десять отчаянных недель, пока огибали мыс Горн, Хорнблауэр мятежа не боялся. В предполуденную вахту он объявит учебную тревогу и потренирует матросов в стрельбе – по пять выстрелов из каждой пушки. Отдача на время замедлит продвижение судна, но тут ничего не попишешь. Быть может, это последнее учение перед тем, как пушкам придется стрелять всерьез.

Мысль о предстоящих учениях дала Хорнблауэру новую пищу для размышлений. Пять выстрелов из каждой пушки – это примерно тонна пороха и ядер. Осадка «Лидии» и так уменьшилась, поскольку припасы на исходе. Хорнблауэр мысленно представил трюм фрегата и взаимное расположение кладовых. Пора вновь обратить внимание на дифферент. После того как матросы пообедают, он прикажет спустить шлюпку и обойдет вокруг корабля на веслах. Он ожидал, что увидит легкий дифферент на корму. Завтра, возможно, надо будет передвинуть каронады № 1 на полубаке туда, где они стояли первоначально. Пока он будет осматривать корабль, придется убавить парусов. Значит, можно сделать все как следует и дать Бушу погонять команду наверху. Буш, как и пристало первому лейтенанту, питает слабость к такого рода учениям. Сегодня команда сможет побить свой прежний рекорд – одиннадцать минут пятьдесят одна секунда на постановку стеньг и двадцать четыре минуты семь секунд, считая с момента установки стеньг, чтобы поднять все паруса. И тот, и другой результат – в этом Хорнблауэр был с Бушем солидарен – далеко не предел: многие команды управляются быстрее, по крайней мере, если верить их капитанам.

Такелаж тихонько зашептал. Значит, ветер крепчает. Судя по холодку на шее и щеке – еще и отошел на румб или два. Едва отметив эти изменения и начав гадать, скоро ли заметит их Буш, Хорнблауэр услышал, как зовут вахту. Мичман Клэй громогласно сзывал ютовую

---

² Так с XVI по XVIII век называли южную часть Тихого океана. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

команду. Когда они покидали Англию, у мальчика ломался голос; с тех пор он научился им владеть, а не взвизгивать и хрипеть попеременно. Все так же не обращая видимого внимания на происходящее, не прерывая прогулки, Хорнблауэр вслушивался в привычную последовательность звуков. Вахта с топотом бежала к брасам на корму. Хлопок и вскрик сообщили Хорнблауэру, что боцман Гаррисон саданул тростью какого-то неповоротливого или просто незадачливого матроса. Гаррисон – отличный моряк, но у него есть одна слабость: обожает припечатать тростью хороший округлый зад. Всякий, на ком штаны сидят в обтяжку, вполне мог заработать рубец на задку единственно по этой причине, особенно если ему по обязанности случилось нагнуться в тот момент, когда Гаррисон проходит мимо.

Размышления о слабости Гаррисона занимали Хорнблауэра почти все время, что паруса брасопили по ветру; они оборвались в тот момент, когда Гаррисон выкрикнул «Стой!», и вахта побрела к своим прежним делам. Дин-дон, дин-дон, дин-дон, дин-дон – пробил колокол. Семь склянок утренней вахты. Хорнблауэр уже перегулял свой установленный час и с удовлетворением чувствовал под рубашкой капельки пота. Он подошел к стоящему подле штурвала Бушу.

– Доброе утро, мистер Буш, – сказал капитан Хорнблауэр.

– Доброе утро, сэр, – сказал Буш, в точности как если бы капитан Хорнблауэр не прохаживался час с четвертью в четырех ярдах от него.

Хорнблауэр посмотрел на доску, где записаны показания лага за последние двадцать четыре часа. Ничего особенно примечательного – три узла, четыре узла с четвертью, четыре узла и так далее. Курсовая доска свидетельствовала, что все сутки корабль шел на северо-восток. Капитан чувствовал на себе пытливый взгляд первого лейтенанта и знал, что тот изнывает от желания задать вопрос. Лишь один человек на борту знал, куда направляется «Лидия», – сам Хорнблауэр. Он вышел в море с запечатанными приказами, и, вскрыв их, согласно указаниям, на 30° N 20° W, не счел нужным ознакомить первого лейтенанта с их содержанием. Семь месяцев лейтенант Буш успешно перебарывал искушение спросить, но напряжение уже заметно на нем сказывалось.

– Кхе-хм. – Хорнблауэр прочистил горло. Ни слова не говоря, он повесил доску на место, спустился по трапу и вошел в спальную каюту.

Бушу не повезло. Хорнблауэр не опасался, что тот разболтает содержание приказов, и оставлял его в неведении совсем по иной причине. Хорнблауэр боялся собственной болтливости. Пять лет назад, впервые выйдя в море капитаном, он не сдерживал природной общительности, а тогдашний первый лейтенант, злоупотребляя капитанской слабостью, дошел до того, что обсуждал чуть ли не каждый его приказ. В прошлом плавании Хорнблауэр постарался ограничить общение с первым лейтенантом рамками обычной вежливости, но обнаружил, что постоянно за них выходит. Стоило ему открыть рот, он, к своему последующему огорчению, успевал наговорить лишнего. На сей раз он вышел в море с твердым намерением (подобно зарекшемуся пить пьянице) ничего без необходимости не говорить, а приказы, настаивавшие на соблюдении строжайшей секретности, только укрепили его решимость. Семь месяцев он держал зарок, делаясь молчаливее день ото дня, пока противоестественная сдержанность не стала второй натурой. В Атлантическом океане он еще иногда беседовал с мистером Бушем о погоде. В Тихом он снисходил лишь до того, чтобы прочистить горло.

Крохотная спальня была отгорожена от главной каюты переборкой. Одну ее половину занимала восемнадцатифунтовая пушка, на другой еле-еле помещались койка, письменный стол и сундук. Вестовой Полвил положил бритву и кожаную чашку на кронштейн под зеркальцем в переборке и вжался в письменный стол, давая капитану войти – два человека с трудом помещались в тесной каюте. Полвил ничего не сказал. За эту-то немногословность Хорнблауэр его и выбрал – даже в общении со слугами он вынужден был постоянно оставаться начеку, чтобы не впасть в навязчивый грех болтливости.

Хорнблауэр стянул мокрую рубашку и штаны, побрился, стоя нагишом перед зеркалом. Лицо, которое там отражалось, не было ни красивым, ни уродливым, ни молодым, ни старым.

Печальные карие глаза, довольно высокий лоб, довольно прямой нос; хороший рот, сжатый с твердостью, приобретенной за двадцать лет морской службы. Непослушные каштановые кудри уже начали редеть, отчего лоб казался еще более высоким. Это раздражало капитана Хорнблауэра, он с отвращением сознавал, что лысеет. Заметив это, он вспомнил и о другом источнике своих огорчений. Он посмотрел вниз на свое нагое тело. Он строен и мускулист – вполне приятная фигура, когда он распрямляется на все свои шесть футов. Но там, где кончались ребра, неопровержимо присутствовал округлый животик, уже выдававшийся за линию ребер и подвздошной кости. Хорнблауэр с редкой в его поколении силой не желал толстеть. Мерзко было думать, что его стройное гладкое тело обезобразит неприглядная выпуклость; вот почему он, человек в общем-то ленивый и внутренне чуждый порядку, принуждал себя каждое утро прогуливаться по шканцам.

Он закончил бриться, отложил бритву и кисточку Полвилу для мытья и подождал, пока тот накинет ему на плечи ветхий саржевый халат. Вместе они вышли на палубу и подошли к баковой помпе. Там Полвил снял с него халат и принялся качать помпой соленую забортную воду, пока капитан сосредоточенно поворачивался под струей. Когда душ был окончен, Полвил накинул халат на мокрые плечи капитана и следом за ним спустился в каюту. Чистая льняная рубашка (ветхая, но тщательно заштопанная) и белые штаны лежали на койке. Хорнблауэр оделся. Полвил подал ему потертый синий сюртук с потускневшим галунном и шляпу. Все это без единого слова, так Хорнблауэр вышколил себя, подчиняясь добровольному обету молчания. Ненавистник рутины, он, избавляясь от необходимости говорить, настолько закоснел в рутине, что, как обычно, вышел на палубу в точности с первым ударом восьми склянок.

– Все наверх экзекуцию смотреть? – спросил Буш, козыряя.

Хорнблауэр кивнул. Боцманматы засвистели в дудки.

– Все наверх экзекуцию смотреть! – орал Гаррисон с главной палубы, и вскоре матросы выстроились в ряды на предписанных местах.

Хорнблауэр с каменным лицом застыл у шканцевых поручней. Он стыдился, что считает экзекуцию зверством, что назначает ее против воли и смотрит через силу. Две или три тысячи порок, виденные им за последние двадцать лет, ничуть его не ожесточили; напротив, он горестно сознавал, что теперь переносит их гораздо болезненнее, чем семнадцатилетним мичманом. Но сегодняшней порки было не избежать. Некий валлиец по имени Оуэн никак не мог отучиться плевать на палубу. Буш, не советуясь с капитаном, поклялся, что будет пороть его за каждый плевок, и Хорнблауэр дисциплины ради вынужден был своей властью скрепить это решение, даже сознавая, что обещанное наказание вряд ли пойдет впрок идиоту, которого не остановила угроза порки.

К счастью, все кончилось быстро. Боцманматы привязали обнаженного по пояс Оуэна к грот-вантам и под барабанный бой выпороли его. Оуэн, вопреки обыкновению других матросов, орал от боли всякий раз, как девятихвостая кошка впивалась ему в спину, и дергался, молотя по палубе босыми ступнями, пока, под конец назначенных ему двух дюжин, не обвис на привязанных руках, тихий и недвижимый. Его окатили водой и отнесли вниз.

– Матросам завтракать, мистер Буш, – бросил Хорнблауэр. Он надеялся, что тропический загар скрыл от окружающих его бледность. Истязать несчастного полудурка – не лучший способ скоротать время до завтрака, а что особенно мерзко, он сам во всем виноват: не нашел в себе ни решимости, чтобы прекратить порку, ни изворотливости, чтобы выбраться из тупика, в который загнал его своим решением Буш.

Шеренга офицеров на шканцах рассыпалась. Джерард, второй лейтенант, принял у Буша вахту. Корабль – словно волшебная мозаика: кто-то встряхнул ее, перемешал кусочки, а они тут же выстроились в новом закономерном порядке.

Хорнблауэр спустился в каюту. Полвил уже накрыл к завтраку.

– Кофе, сэр, – сказал Полвил. – Рагу.

Хорнблауэр сел. За семь месяцев в море все деликатесы давным-давно кончились. «Кофе» представлял собой черный отвар пережаренного хлеба, и единственное, что можно было сказать в его пользу, так это что он сладкий и горячий. Словом «рагу» именовалась неопишуемого вида мешанина толченой сухарной крошки и рубленой солонины. Хорнблауэр ел рассеянно. Левой рукой он постукивал по столу галетой, чтобы жучки успели вылезти к тому времени, когда он закончит рагу.

Он ел, а до него беспрестанно доносились корабельные звуки. Всякий раз, как «Лидия» приподнималась на гребне волны, все ее деревянные части поскрипывали в унисон. Над головой стучали башмаки расхаживающего по шканцам Джерарда и временами раздавалась быстрая поступь мозолистых матросских ног. Ближе к носу монотонно лязгали помпы, выкачивая воду из внутренностей судна. Но все эти звуки были преходящи, и лишь один не смолкал никогда, так что ухо привыкало к нему и не различало, пока специально не обратишь внимание, – шелест ветра в бесчисленных тросах такелажа. То было еле слышное пение, гармония тысяч высоких тонов и полутонов, но оно звенело по всему судну, передаваемое по древесине от русленей вместе с медленным, размеренным скрипом.

Хорнблауэр доел рагу и обратился взором к галете, которой прежде постукивал по столу. Он созерцал ее со спокойным отвращением – неважная пища, к тому же без масла (последний бочонок прогорк месяц тому назад), и сухие крошки придется запивать кофе из пережаренного хлеба. Но прежде чем он успел откусить, с мачты раздался дикий крик. Хорнблауэр вскочил, не донеся до рта сухарь.

– Земля! – услышал он. – Эй, на палубе! Земля в двух румбах слева по курсу, сэр!

Это впередсмотрящий с фор-салинга окликал палубу. Хорнблауэр, по-прежнему держа руку с сухарем на весу, услышал на палубе шум и беготню – офицерам и матросам, равно не ведающим, куда они плывут, страстно хотелось увидеть землю – первую за три месяца. Он и сам был взволнован.

Сейчас выяснится, правильно ли он выбрал курс; мало того, возможно, в ближайšie двадцать четыре часа он приступит к исполнению опасной и трудной миссии, возложенной на него их сиятельствами лордами Адмиралтейства. Сердце учащенно забилося. Он страстно желал, подчиняясь первому порыву, броситься на палубу, но сдержался. Еще больше он хотел предстать в глазах команды абсолютно невозмутимым и уверенным в себе человеком – и не из одного тщеславия. Чем больше уважения к капитану, тем лучше для корабля. С видом полного самообладания он закинул ногу на ногу и безучастно попил кофе, когда в дверь, постучавшись, влетел мичман Сэвидж.

– Мистер Джерард послал меня сказать, что слева по курсу видна земля, сэр, – выговорил Сэвидж. Общее волнение было так заразительно, что он с трудом стоял на месте. Хорнблауэр заставил себя еще раз отхлебнуть кофе и лишь потом заговорил, очень медленно и спокойно.

– Скажите мистеру Джерарду, я поднимусь на палубу, как только закончу завтракать, – сказал он.

– Есть, сэр.

Сэвидж стремглав вылетел из каюты; его большие неуклюжие ноги застучали по трапу.

– Мистер Сэвидж! Мистер Сэвидж! – заорал Хорнблауэр.

Широкое лицо мичмана вновь появилось в двери.

– Вы забыли закрыть дверь, – сказал Хорнблауэр холодно. – И, пожалуйста, не шумите так, поднимаясь по трапу.

– Есть, сэр, – отвечал совершенно уничтоженный Сэвидж.

Хорнблауэр удовлетворенно потянул себя за подбородок. Он вновь отхлебнул кофе, но силы откусить сухарь уже не нашел. Подгоняя время, он забарабанил пальцами по столу.

С салинга долетел голос Клэя – очевидно, Джерард велел мичману взять подзорную трубу и подняться туда.

– Похоже на огнедышащую гору, сэр. Две огнедышащие горы. Вулканы, сэр.

В ту же секунду Хорнблауэр начал припоминать карту, которую столько раз изучал, уединившись в своей каюте. Все побережье усеяно вулканами; присутствие двух слева по курсу отнюдь не позволяет точно определить положение судна. И все же... все же... Вход в залив Фонсека отмечен именно двумя вулканами слева по курсу. Вполне возможно, что он вывел корабль в точности к цели – через одиннадцать недель после того, как в последний раз видел землю. Дольше ждать было свыше его сил. Он поднялся из-за стола и, в последний момент вспомнив, что должен идти степенно и с видом полного безразличия, вышел на палубу.

Глава II

На шканцах толпились офицеры: все четыре лейтенанта, штурман Кристел, лейтенант морской пехоты Симмондс, баталер Вуд, вахтенные мичманы. Старшины и унтер-офицеры облепили ванты, и все подзорные трубы на корабле были пущены в ход. Хорнблауэр осознал, что строгий ревнитель дисциплины возмутился бы этим вполне естественным поведением, и посему отреагировал соответственно.

– Что такое? – рявкнул он. – Неужели вам нечем заняться? Мистер Вуд, я побеспокою вас просьбой послать за купором и вместе с ним приготовить бочки для воды. Уберите бомбрамсели и лисели, мистер Джерард.

Засвистели дудки, Гаррисон заорал: «Все наверх, паруса убирать!», Джерард со шканцев отдавал команды. На корабле вновь воцарилась деловитая суэта. Под обычными парусами «Лидия» ритмично качалась на мелкой зыби.

– Мне кажется, сэр, сейчас я вижу с палубы дымок. – Джерард чуть виновато напомнил капитану, что они приближаются к земле. Он протянул подзорную трубу и указал вперед. У самого горизонта под белым облачком что-то серело, возможно что и дым.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр по привычке. Он прошел вперед и полез на фока-ванты с наветренной стороны. Он не был силачом, и предстоящая задача отнюдь его не радовала, но деваться было некуда, надо было лезть. Именно поэтому он счел для себя недопустимым, несмотря на сильно мешавшую ему подзорную трубу, пролезть в собачью дыру, и вместо этого проделал сложный обходной путь по путенс-вантам. Не мог он и остановиться передохнуть, зная, что служащие под его началом мичманы играючи пробегают без остановки от трюма до клотика грот-бом-брам-стенги.

Путь по фор-брам-стенг-вантам серьезно его утомил. Тяжело дыша, он выбрался на фор-брам-стенги-салинг и попытался направить подзорную трубу прямо. Он никак не мог отдышаться, мешала и внезапно накотившая нервозность. Клэй беспечно восседал верхом на ноке рея футах в пятнадцати от него, но Хорнблауэр как будто не замечал мичмана. Легкое штопорообразное качание судна заставляло Хорнблауэра вместе с верхушкой стенги описывать большие круги: вверх, вперед, вбок, вниз. Сперва он видел далекие горы лишь мельком, но через некоторое поймал их в поле зрения трубы. Ему представился странный пейзаж. Острые пики нескольких вулканов: два очень высоких слева, россыпь конусов поменьше слева и справа. Пока Хорнблауэр глядел, из одного вулкана вырвалась струйка серого дыма – не из вершины, а из побочного жерла – и лениво поползла к висящему над ним белому облачку. За вулканическими конусами виднелся хребет, отрогами которого они и были; но и сам хребет представлялся цепочкой потухших вулканов, размытых и выветрелых с течением столетий – можно представить, что за адскую кухню являл собой этот берег, когда все они извергались разом. Вершины гор были тепловато-серыми – серыми с розовым оттенком. Ниже Хорнблауэр видел как бы зеленые прожилки – очевидно, растительность вдоль промоин и ручьев. Он отметил относительные высоты и взаимное расположение вулканов, на основании этих данных мысленно нарисовал карту и сравнил с той, которую хранил в памяти. Сходство было несомненным.

– Мне кажется, сэр, я только что видел приборой, – сказал Клэй.

Хорнблауэр перенес взгляд с вершин к подножьям.

Здесь располагалась широкая зеленая полоса, лишь изредка нарушаемая одинокими вулканами. Хорнблауэр провел по ней подзорной трубой, до самого горизонта и обратно. Ему показалось, что он видит слабый белый отблеск. Он вновь поймал это место в поле зрения, засомневался: белое пятнышко то появлялось, то исчезало.

– Совершенно верно, это действительно прибой, – сказал он и тут же пожалел о сказанном. Решительно незачем было отвечать Клэю. Пусть ненамного, но он уронил свою репутацию человека, совершенно невозмутимого.

«Лидия» двигалась прямо к берегу. Глядя вниз, Хорнблауэр видел забавно укороченные фигурки людей на полубаке в ста футах под собой, а возле носа – намек на бурун, означавший, что корабль делает около четырех узлов. Они подойдут к берегу до темноты, особенно если к концу дня бриз усилится. Хорнблауэр встал поудобнее и вновь посмотрел на берег. Временами он уже отчетливо видел полосу прибоя по обе стороны от того места, где заметил ее впервые. Здесь, должно быть, набегающая волна разбивается о вертикальные скалы и взлетает вверх белой пеной. Он все больше утверждался во мнении, что вывел корабль точно к намеченному месту. По обе стороны от полосы прибоя вода была совершенно ровной, а дальше располагались – опять-таки по обе стороны – два средних размеров вулкана. Широкий залив, остров посередине входа, и два вулкана по бокам. Именно так выглядел на карте залив Фонсека, но Хорнблауэр с мучительной определенностью знал: даже небольшая погрешность в расчетах могла увести его миль за двести от того места, где, как он полагал, они сейчас находятся, а в этом вулканическом краю разные отрезки побережья весьма схожи. Может быть не один такой залив и не один остров. Мало того, карты ненадежны. Это – копии с карт, которые Ансон³ захватил шестьдесят лет назад в этих самых водах. Всем известно, что карты, составленные даго – а тем более карты, составленные даго и переснятые безмозглыми адмиралтейскими клерками, – немилосердно врут.

Но пока он смотрел, сомнения его понемногу рассеивались. Открывающийся перед ним залив был непомерно велик – если б на побережье был еще один такой, его не пропустили бы даже картографы-даго. Хорнблауэр на глаз прикинул ширину входа в залив: что-то около десяти миль. Чуть дальше виднелся еще один типичный для местного ландшафта остров – круто встающий из воды правильный конус. Дальний берег залива Хорнблауэр не различал даже сейчас, хотя за то время, что он пробыл на мачте, корабль прошел около десяти миль.

– Мистер Клэй, – сказал Хорнблауэр, не снисходя до того, чтобы оторваться от подзорной трубы. – Спускайтесь на палубу. Передайте мистеру Джерарду мои приветствия и попросите его любезно отправить матросов на обед.

– Есть, сэр, – сказал Клэй.

Сейчас на корабле поймут, что предстоит нечто необычное, раз обед сдвинули на полчаса вперед. Британские флотские офицеры всегда старались досыта накормить матросов перед особо трудной операцией.

Хорнблауэр на верхушке мачты подвел итог увиденному. Не приходится сомневаться, что «Лидия» держит курс на залив Фонсека. Он показал незаурядное навигационное мастерство, каким всякий мог бы законно гордиться, – спустя одиннадцать недель после того, как они последний раз видели землю, вывел корабль прямо к намеченной цели. Тем не менее он не испытывал восторга. Такова была его натура: он не радовался уже достигнутому. Честолюбие постоянно требовало от него недостижимого: казаться сильным, молчаливым, недоступным для обычных переживаний и слабостей.

Пока в заливе незаметно было никаких признаков жизни – ни лодок, ни человеческого дымка. Казалось, Хорнблауэр, как второй Колумб, приближается к необитаемому берегу. Можно было рассчитывать, что ближайший час не потребует от него решительных действий. Он сложил подзорную трубу, спустился на палубу и степенно прошествовал на шканцы.

---

³ Джордж Ансон, 1-й барон Ансон (1697–1762) – британский адмирал, знаменитый своим кругосветным плаванием. В 1740 году был послан в Южную Америку командующим эскадрой для атаки на испанцев в конфликте, известном как Война за ухо Дженкинса.

Кристел и Джерард оживленно беседовали у поручней. Очевидно, они нарочно отошли от рулевого и отослали подальше мичмана; очевидно также, судя по взглядам, которыми они встретили приближающегося капитана, говорили о нем. Вполне естественно, они взволнованы: «Лидия» – первый со времен Ансона английский корабль, проникший на тихоокеанское побережье Испанской Америки. Эти воды бороздит знаменитый Акапулькский галеон, ежегодно доставляющий в Испанию сокровищ на миллион стерлингов; вдоль этого берега каботажные суда везут серебро из Потоси в Панаму. Получалось, что благосостояние каждого человека на борту обеспечено, если только это позволяют неведомые адмиралтейские приказы. Всех волновало, что же предпримет капитан.

– Пошлите надежного матроса с хорошей подзорной трубой на фор-брам-стенгисалинг, мистер Джерард. – И с этими словами Хорнблауэр пошел вниз.

Глава III

Полвил ждал в каюте с обедом. Секунду Хорнблауэр раздумывал, насколько уместно в полдень, в тропиках, подавать на обед жирную жареную свинину. Есть не хотелось, но желание выглядет героем в глазах собственного слуги взяло верх. Он сел и десять минут быстро ел, через силу проглатывая невкусную пищу. Полвил с живейшим интересом следил за всеми его движениями. Под любопытным взглядом вестового Хорнблауэр встал, пригнувшись под низким подволоком, прошел в спальную каюту и отпер письменный стол.

– Полвил! – позвал он.

– Сэр! – откликнулся Полвил, тут же появляясь в дверях.

– Достань мой лучший сюртук и пришей на него новые эполеты. Чистые белые штаны – нет, панталоны – и лучшие белые шелковые чулки. Туфли с пряжками, и чтобы пряжки сверкали. И шпагу с золотой рукоятью.

– Есть, сэр, – отвечал Полвил.

Вернувшись в главную каюту, Хорнблауэр устроился на рундуке под кормовым окном и в который раз достал из пакета секретные адмиралтейские приказы. Он читал их так часто, что давно выучил назубок, но счел благоразумным лишний раз убедиться, что понимает в них каждое слово. Впрочем, они были достаточно недвусмысленны. Некий адмиралтейский клерк, составляя их, дал полную волю воображению. Первые десять абзацев касались плаванья до сего момента. Прежде всего надлежало «елико возможно» соблюдать секретность, дабы в Испании не проведали, что к тихоокеанскому побережью их заморских владений направляется британский фрегат. «Засим предписывалось» по всему пути следования как можно реже приближаться к берегу и «строжайше воспрещалось» подходить к земле на расстояние видимости по пути от мыса Горн до места назначения, то есть до залива Фонсека. Хорнблауэр выполнил эти предписания буквально, хотя очень немногие капитаны поступили бы так на его месте. Он привел корабль из Англии, лишь раз – у мыса Горн – подойдя к берегу на расстояние видимости. Доверься он неделю назад Кристелу, «Лидия» входила бы сейчас в Панамский залив, и тогда – прощай всякая секретность.

Хорнблауэр мысленно оторвался от спора о компасных поправках и принудил себя сосредоточиться на дальнейшем изучении приказов. «Засим предписывалось» сразу по прибытии в залив Фонсека вступить в союз с доном Хулианом Альварадо, крупным землевладельцем, чьи поместья лежат к западу от залива. Дон Хулиан намерен, с помощью британцев, поднять мятеж против испанской монархии. Хорнблауэр должен передать ему пятьсот ружей и штыков, пятьсот патронных сумок, один миллион ружейных патронов – все это он загрузил в Портсмуте – и далее «по собственному разумению всячески способствовать успеху мятежа». В случае если он сочтет это необходимым, он может передать мятежникам одну или несколько корабельных пушек, но доверенные ему пятьдесят тысяч золотых гиней под страхом трибунала запрещалось тратить до последней крайности – то есть не иначе, как если без того мятежникам будет грозить неминуемое поражение. Хорнблауэру предписывалось «елико возможно» поддерживать мятежников, вплоть до признания суверенитета дона Хулиана Альварадо над любой территорией, которую тот сможет захватить, если в благодарность дон Хулиан заключит с его британским величеством торговый союз.

Упоминание о торговом союзе, очевидно, разбудило воображение адмиралтейского клерка, ибо следующие десять абзацев были расцвечены подробностями, доказывавшими, сколь необходимо открыть испанские владения для британской торговли. Перуанский бальзамический тополь и кампешевое дерево, кошениль и золото ждут обмена на британские товары. Перо клерка, выведившее красивым округлым почерком эти строки, так и источало волнение. От залива Фонсека, писал клерк, отходит бухта, именуемая, как полагают, Эстеро-

Реаль и близко подходящая к озеру Манагуа. Последнее, по некоторым сведениям, сообщается с озером Никарагуа, из которого вытекает впадающая в Карибское море река Сан-Хуан. Капитану Хорнблауэру предписывалось «со всевозможным тщанием» исследовать возможность для открытия торгового пути через перешеек и направить к тому усилия дона Хулиана.

Лишь после того, как мятеж дона Хулиана увенчается успехом и будут выполнены все остальные предписания, капитану Хорнблауэру дозволялось атаковать корабли с сокровищами, буде он обнаружит таковые в Тихом океане. Мало того, не следовало нападать на корабли, «если таковые действия будут во вред местному населению, кое вышеупомянутых мятежников поддерживает». Для сведения капитана Хорнблауэра отмечалось, что, согласно имеющимся донесениям, в этих водах курсирует двухпалубный пятидесятипушечный испанский корабль «Нативидад». Капитану Хорнблауэру предписывалось при первой же возможности «захватить, потопить, сжечь или иным способом уничтожить» вышеупомянутое судно.

Наконец, капитану Хорнблауэру предписывалось, когда он сочтет это уместным, снестись с контр-адмиралом Наветренных островов для получения дальнейших указаний.

Капитан Хорнблауэр сложил хрустящие листки и погрузился в тягостное раздумье. Приказы являли собой обычное смешение маловероятного с абсолютно фантастическим – такие приказы обычно и получал отправляющийся в дальнее плавание капитан. Только человек сухопутный мог потребовать, чтобы «Лидия» достигла залива Фонсека, ни разу не приближаясь к берегу, и только последовательность чудес (Хорнблауэр не отдавал должного своему опыту и основательным расчетам) позволила это требование исполнить.

Британское правительство давно спало и видело, как бы разжечь мятеж в Испанской Америке. Однако для британских офицеров, призванных претворить эту мечту в жизнь, она оборачивалась страшным сном. Адмирал Пофэм и адмирал Стирлинг, генерал Бересфорд и генерал Уайтлок за последние три года лишились чести и репутации в безуспешных попытках поднять восстание на реке Ла-Плата.

Подобно тому и открытие торгового пути через Дариенский перешеек было излюбленной мечтой адмиралтейских клерков, вооруженных мелкомасштабными картами и полнейшим отсутствием практического опыта. Тридцать лет назад сам Нельсон, тогда еще молодой капитан, чуть не погиб, руководя экспедицией по той самой реке Сан-Хуан, которую Хорнблауэру предписывалось пройти от истоков.

Венцом же всего было небрежное упоминание о пятидесятипушечном неприятельском судне. Вполне в духе Уайтхолла с такой легкостью отправить тридцатишестипушечный фрегат сражаться с почти вдвое более мощным противником. Британский флот в последних войнах столь успешно выигрывал одиночные бои, что теперь от каждого капитана ждали победы вне зависимости от реального соотношения сил. Если «Нативидад» возьмет верх над «Лидией», никто не станет слушать оправданий. Если даже неминуемый трибунал и не осудит Хорнблауэра, ему до скончания дней придется бедствовать на половинном жалованье. Если он не уничтожит «Нативидад», если не поднимет и не приведет к победе мятеж, если не откроет торговый путь через перешеек – любое из этих вполне вероятных «не» означало, что он лишится доброго имени, службы и вернется к жене, униженный в глазах собратьев.

Перебрав все эти печальные варианты, Хорнблауэр отбросил их с деланным оптимизмом. Прежде всего надо увидаться с доном Хулианом Альварадо – это, похоже, будет несложно и не особо интересно. После будут корабли с сокровищами и призовые деньги. Об отдаленном будущем лучше не тревожиться. Он поднялся с рундука и прошел в спальную каюту.

Десять минут спустя капитан вышел на шканцы. С мрачным удовольствием он отметил, как безуспешно его офицеры притворяются, будто не замечают великолепного нового

сюртука с эполетами, шелковых чулок, туфель со стальными пряжками, треуголки и шпаги с золотой рукоятью. Хорнблауэр посмотрел на быстро приближающийся берег.

– Свистать всех по местам, мистер Буш, – сказал он. – Корабль к бою.

Загремели барабаны, подвахтенные с топотом высыпали наверх. Понуждаемая криками и ударами унтер-офицеров, команда принялась готовить корабль к бою. Палубы окатили водой и присыпали песком, переборки убрали, пожарные отряды заняли места у помп, запыхавшиеся юнги бегали с картузами для пушек; в кокпите вестовой баталера, назначенный исполнять обязанности врача, сдвигал мичманские рундуки, составляя из них операционный стол.

– Я попрошу вас зарядить и выдвинуть пушки, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр.

Вполне разумная предосторожность, учитывая, что корабль с полным ветром входит в испанские владения. Канониры сбросили с орудий найтовы, могучим усилием выбрали направляющие тали, втащили пушки внутрь, забили порох и ядра, опустили дула и, налегая на орудийные тали, выдвинули их в открытые порты.

– Корабль к бою готов. Десять минут двадцать одна секунда, сэр, – доложил Буш, когда стих скрежет катков. Хоть убей, он не мог бы сейчас сказать, учение это или подготовка к настоящему бою, и Хорнблауэр получал суетное удовольствие, оставляя его в неведении.

– Очень хорошо, мистер Буш. Пошлите надежного матроса с лотом на грот-руслень и приготовьтесь к отдаче якоря.

Морской бриз с каждой минутой усиливался, и «Лидия» шла все быстрее. В подзорную трубу Хорнблауэр видел со шканцев мельчайшие подробности входа в залив. Широкий западный проход между островом Кончакита и западным мысом, согласно карте, имеет глубину двадцать саженей на пять миль вперед. Но испанским картам доверять не приходится.

– Что на руслене? – крикнул Хорнблауэр.

– Дна нет, сэр.

– Сколько саженей пронесло? Передайте глубоководный лот.

– Есть, сэр.

На судне воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь несмолкаемым пением таке-лажа да журчанием воды за кормой.

– Дна нет, сэр. Сто саженей пронесло.

Значит, берег очень крутой, обрывистый, ведь до него меньше двух миль. Однако незачем подвергаться риску под всеми парусами налететь на мель.

– Уберите нижние прямые паруса, – приказал Хорнблауэр – Не переставайте бросать лот.

Под одними марсельями «Лидия» медленно приближалась к берегу. Вскоре крик с русленя известил, что лот на глубине ста саженей коснулся дна, и с каждым последующим броском глубина все убывала. Хорнблауэру хотелось бы знать, в какой сейчас стадии приливо-отливное течение – если ему суждено сесть на мель, лучше, чтобы это произошло во время прилива, чем во время отлива, – но не было никакой возможности рассчитать. Он поднялся до середины бизань-вант, чтобы лучше видеть. Все остальные, кроме матроса на руслене, замерли под палящим солнцем. Корабль был почти у входа в пролив. Хорнблауэр заметил на воде несколько бревен и, направив на них подзорную трубу, убедился, что они плывут к заливу. Значит, сейчас прилив. Все лучше и лучше.

– Глубже девяти! – прокричал лотовый.

Неплохо для испанской карты: она показывала десять.

– И восемь с половиной.

Пока глубина достаточная. Хорнблауэр крикнул рулевому, и «Лидия» повернула вправо, огибая плавный изгиб мыса.

– И восемь с половиной.

Все еще неплохо. «Лидия» шла новым курсом.

– Отметка семь.

Хорнблауэр внимательно осматривал пролив, ища фарватер.

– Отметка семь.

По приказу Хорнблауэра «Лидия» свернула чуть ближе к другому берегу. Буш тихонько послал матросов соответственно обрасопить паруса.

– И восемь с половиной.

Так-то лучше.

– Глубже девяти.

Еще лучше. «Лидия» вошла в залив, и Хорнблауэр видел, что прилив продолжается. Они ползли по стеклянной глади залива, лотовый монотонно выкрикивал глубину, крутая коническая гора посреди залива неуклонно приближалась.

– Четверть до восьми! – крикнул лотовый.

– Якоря чисты? – спросил Хорнблауэр.

– Все чисты, сэр.

– Отметка семь.

Дальше идти незачем.

– Отдать якорь.

Канат заскрежетал в клюзе, вахта бросилась убирать паруса. Ветер и прилив развернули «Лидию», Хорнблауэр спустился на шканцы.

Буш смотрел на него, как на кудесника. Через одиннадцать недель после того, как они видели мыс Горн, Хорнблауэр вывел «Лидию» в точности к назначенному месту, мало того, прибыл вечером, когда морской бриз и прилив помогли им войти в залив; если же там окажется опасно, ночь принесет с собой отлив и береговой бриз, они легко выйдут в открытое море. Что здесь везение и что – расчет, Буш не знал, но поскольку оценивал профессионализм Хорнблауэра куда выше, чем сам Хорнблауэр, склонен был значительно преувеличивать его заслуги.

– Вахтенные пусть остаются на местах, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. – Подвахтенным прикажите разойтись.

Корабль в миле от любой возможной опасности и подготовлен к бою – незачем держать всех матросов на боевых постах. С радостным гулом подвахтенные прилипли к фальшборту, жадно вглядываясь в зеленые джунгли и серые скалы. Хорнблауэр с некоторым замешательством думал, что делать дальше. Он так волновался, проводя корабль в совершенно незнакомый залив, что не успел продумать следующего шага. Его сомнения разрешил впереди идущий, прокричав с салюта:

– Эй, на палубе! От берега отвалила лодка. Два румба позади правого траверза.

К ним ползло сдвоенное белое пятнышко: в подзорную трубу Хорнблауэр различил лодку под двумя крохотными латинскими парусами. Когда она приблизилась, он смог рассмотреть и команду: полдюжины смуглых людей в широкополых соломенных шляпах. Лодка легла в дрейф в пятидесяти ярдах от «Лидии»; кто-то, встав на кормовую банку и сложив руки рупором, прокричал по-испански:

– Это английский корабль?

– Да. Поднимитесь на борт, – отвечал Хорнблауэр. Два года испанского плена представили ему случай выучить язык – он давно решил, что за такое свое достижение и был назначен в теперешнюю экспедицию.

Лодка подошла к борту, и тот, кто их окликал, легко взобрался по трапу на палубу. Он с любопытством озирался по сторонам, дивясь на безупречную чистоту и царящий повсюду строгий порядок. На госте был черный, расшитый золотом жилет, из-под которого виднелась грязная серая рубаха, а грязные белые штаны оканчивались лохмотьями чуть ниже колен. Он

был бос. Из-за красного кушака торчали два пистолета и короткая тяжелая сабля. Он говорил на испанском, как на родном, но не походил на испанца. Его длинные черные волосы были прямые и матовые; смуглое лицо отливало красным, а в белках глаз проглядывала желтизна. С верхней губы свешивались длинные тонкие усы. Он тут же заметил капитана в парадном мундире и треуголке и двинулся к нему. В ожидании подобной встречи Хорнблауэр и постарался одеться. Теперь он радовался своей предусмотрительности.

– Вы капитан, сударь? – спросил гость.

– Да. Капитан Горацио Хорнблауэр фрегата его британского величества «Лидия», к вашим услугам. Кого имею честь приветствовать?

– Мануэль Эрнандес, генерал-лейтенант, наместник Эль-Супремо.

– Эль-Супремо? – переспросил Хорнблауэр удивленно. Это имя нелегко было перевести на английский. Получалось что-то вроде «Всевышний».

– Да, Эль-Супремо. Вас ждали здесь четыре месяца, шесть месяцев назад.

Хорнблауэр быстро соображал. Он не может открыть причины своего здесь пребывания первому встречному, но раз тот знает, что Хорнблауэра ждут, значит, он посвящен в заговор Альварадо.

– Мне поручено обратиться не к Эль-Супремо, – сказал он, оттягивая время.

Эрнандес нетерпеливо махнул рукой.

– Наш повелитель Эль-Супремо был до последнего времени известен как его превосходительство дон Хулиан Мария де Хесус де Альварадо и Монтесума.

– Ага! – сказал Хорнблауэр. – Дона Хулиана-то я и желал бы видеть.

Эрнандеса явно смутило столь небрежное упоминание имени дон Хулиана.

– Эль-Супремо, – сказал он с ударением, – послал меня, чтобы отвезти вас к нему.

– А где же он?

– У себя дома.

– А где его дом?

– Вполне довольно, капитан, что вам сообщили о желании Эль-Супремо вас видеть.

– Вы так полагаете? Вам следовало бы знать, сеньор, что капитан корабля его британского величества – не мальчик на побегушках. Если хотите, отправляйтесь к дону Хулиану и передайте ему это.

Хорнблауэр ясно дал понять, что разговор окончен. Эрнандес колебался, но перспектива явиться пред лицо Эль-Супремо без капитана его явно не прельщала.

– Его дом – вон там, – сказал он нехотя, показывая рукой через залив. – На склоне горы. Чтобы попасть туда, мы должны проехать через город, который сейчас за мысом.

– Тогда я поеду. Прошу вас ненадолго извинить меня, генерал.

Хорнблауэр повернулся к Бушу – у того было наполовину озадаченное, наполовину восхищенное выражение простого человека, который слышит, как его соотечественник бойко говорит на непонятном языке.

– Мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. – Я отправляюсь на берег и рассчитываю скоро вернуться. Если нет, если я не вернусь или не пришлю записку до полуночи, вы предпримете меры к тому, чтобы обеспечить безопасность кораблю. Вот ключ от моего письменного стола. Я приказываю вам в полночь прочесть адресованные мне секретные правительственные инструкции и действовать по своему усмотрению.

– Есть, сэр, – отвечал Буш. На лице его ясно читалась тревога. Хорнблауэр с внезапной радостью понял, что Буш и впрямь обеспокоен судьбой своего капитана. – Вы думаете... вам безопасно отправляться на берег одному?

– Не знаю, – с искренним безразличием ответил Хорнблауэр. – Я должен идти, и это все.

– Если тут какой подвох, мы вас вызволим, сэр, в целости и сохранности.

– Прежде позаботьтесь о безопасности корабля, – отвечал Хорнблауэр. Перед его мысленным взором возникла ужасная картина: Буш с десантом из незаменимых матросов блуждает в малярийных джунглях Центральной Америки. Он повернулся к Эрнандесу: – Я к вашим услугам, сеньор.

Глава IV

Лодка мягко проехала днищем по золотистому песку за мысом, смуглые гребцы выскочили и втащили ее на берег, чтобы Хорнблауэр с Эрнандесом вышли, не замочив ног. Хорнблауэр внимательно огляделся. Город подходил к самой береговой отмели. Это было скопище нескольких сот лачуг из пальмовых листьев, лишь немногие были крыты черепицей. Эрнандес повел Хорнблауэра к домам.

– *Aqua, aqua*, – слышали они, приблизившись, хриплый голос. – Воды, бога ради, воды.

Возле дороги стоял шестифутовый столб, к нему был привязан человек. Руки его оставались свободными и судорожно двигались. Глаза были выкачены, язык, казалось, не помещался во рту, как у идиота. Вокруг столба вились стервятники.

– Кто это? – спросил Хорнблауэр, пораженный.

– Человек, которого Эль-Супремо повелел уморить жаждой, – сказал Эрнандес. – Один из непросвещенных.

– Он умрет?

– Это его второй день. Он умрет, когда завтра над ним засияет полуденное солнце, – безучастно ответил Эрнандес. – Так бывает всегда.

– Но в чем он провинился?

– Он – один из непросвещенных, я уже сказал, капитан.

Хорнблауэра подмывало спросить, в чем же состоит просвещение, но он сдержался. Из того, что Альварадо повелел именовать себя Эль-Супремо, можно примерно заключить самому. И капитан без всяких возражений позволил Эрнандесу провести себя мимо несчастного. Он считал, что все его протесты будут бессильны отменить отданный Эль-Супремо приказ, а негодую понапрасну, он только уронит свой авторитет. Он отложит действия до той поры, пока увидится с самым главным.

Маленькие улочки, грязные и зловонные, вились между пальмовыми хижинами. Стервятники сидели на крышах и в переулках дрались из-за добычи с ободранными дворнягами. Населяющие город индейцы занимались своими делами, не обращая внимания на человека, умирающего от жажды в пятидесяти ярдах от них. Все они, как и Эрнандес, были смуглые с красноватым отливом, дети бегали нагишом, женщины были либо в черных, либо в грязных белых платьях, редкие мужчины – голые по пояс, в белых штанах до колен. В половине домов, по-видимости, были лавки: одна стена отсутствовала, открывая взору выложенный на продажу товар – два-три яйца или горстку фруктов. Возле одной такой лавки торговалась покупательница в черном платье.

На маленькой площади в центре города стояли у коновязи низкорослые лошадки, облепленные мухами. Спутники Эрнандеса поспешно отвязали двух и держали их под уздцы, чтобы Хорнблауэр и Эрнандес сели в седла. Хорнблауэр смутился. Он знал, что плохо сидит в седле, что при шпаге и в треуголке будет выглядеть на лошади нелепо, к тому же жалел лучшие шелковые чулки, но деваться было некуда. От него настолько очевидно ждали, что он сядет верхом и поскачет, что отступить было нельзя. Он поставил ногу в стремя и плюхнулся в седло, обнаружив, к своему успокоению, что неказистая лошадка покладиста и спокойна. Неуклюже подпрыгивая, он рысью тронулся за Эрнандесом. Пот заливал лицо, треуголку приходилось ежеминутно поправлять. Дорога от города круто поднималась в гору, временами по ней едва мог проехать только один всадник, и тогда Эрнандес с вежливым поклоном проезжал вперед. Остальные следовали ярдах в пятидесяти позади.

На узкой дорожке, окаймленной по обеим сторонам деревьями и кустарником, было одуряюще жарко. Насекомые жужжали и больно кусались. Примерно в полумиле от города

им встретились отдыхавшие часовые, которые при появлении всадников неловко вытянулись во фронт. И начиная с этого места, они постоянно проезжали мимо людей, привязанных к столбу и умирающих от жажды. Некоторые были уже мертвы – ужасные разложившиеся трупы, окруженные жужжащим облаком мух; когда лошади проезжали мимо, жужжание становилось громче. Смерд стоял нестерпимый, объевшиеся стервятники с отвратительными голыми шеями били крыльями, не в силах взлететь, и убегали от лошадей в кусты.

Хорнблауэр чуть было не спросил: «Еще непросвещенные, генерал?», когда осознал бессмысленность подобного замечания. Лучше не говорить ничего, чем говорить попусту. Он молча ехал сквозь полчища мух и смерд, пытаясь представить себе внутренний мир человека, который оставляет трупы разлагаться, образно говоря, у самого своего порога.

Дорога вывела на водораздел, и Хорнблауэр ненадолго увидел внизу залив, синий, серебряный и золотой в лучах вечернего солнца, а посреди него – покачивающуюся на якоре «Лидию». Тут лес по обе стороны, словно по волшебству, сменили возделанные земли. Дорогу окаймляли апельсиновые деревья, за ними различались поля. Солнце, быстро клонившееся к закату, освещало золотые плоды и за поворотом ярко озарило большое белое строение, приземистое и длинное, прямо на пути всадников.

– Дом Эль-Супремо, – сказал Эрнандес.

Во дворике – патио – слуги взяли лошадей под уздцы.

Хорнблауэр неловко спешил и с горечью обозрел свои лучшие шелковые чулки – они были испорчены безвозвратно. Старшие слуги, которые провели их в дом, являли ту же смесь роскоши и нищеты, что и Эрнандес – алые с золотом ливреи, драные штаны и босые ноги. Самый важный – его черты выдавали присутствие негритянской крови наряду с индейской и некоторую примесь европейской – вышел с озабоченным лицом.

– Эль-Супремо ждет, – сказал он. – Сюда, пожалуйста, и как можно быстрее.

Он почти бегом повел их по коридору к окованной бронзой двери, громко постучал, подождал немного, постучал еще раз и распахнул дверь, согнувшись при этом до земли. Хорнблауэр, повинуясь жесту Эрнандеса, вошел. Эрнандес прошел следом, и мажордом закрыл дверь. Это была длинная, чисто выбеленная комната. Потолок поддерживали толстые деревянные балки, резные и раскрашенные. В дальнем конце совершенно пустого помещения стоял одинокий помост, а на помосте в кресле под балдахином восседал человек, ради встречи с которым Хорнблауэра отправили вокруг половины земного шара.

Он не производил особого впечатления: маленький, смуглый, тщедушный человек с пронзительными черными глазами и тусклыми черными волосами, уже немного тронутыми сединой. По виду его легко было догадаться о европейском, с легкой примесью индейской крови, происхождении. Одет он был по-европейски, в алый, расшитый золотым позументом сюртук, белый галстук, белые панталоны, белые чулки, туфли с золотыми пряжками. Эрнандес склонился в раболепном поклоне.

– Вы отсутствовали долго, – сказал Альварадо. – За это время высекли одиннадцать человек.

– Супремо, – выдохнул Эрнандес (зубы его стучали от страха), – капитан выехал сразу же, как узнал, что вы его зовете.

Альварадо устремил пронзительные глаза на Хорнблауэра. Тот неловко поклонился. Он думал об одиннадцати незаслуженно выпоротых людях – они поплатились за то, что от берега до дома враз не доберешься.

– Капитан Горацио Хорнблауэр фрегата его британского величества «Лидия» к вашим услугам, сударь, – сказал он.

– Вы привезли мне оружие и порох?

– Они на корабле.

– Очень хорошо. Договоритесь с генералом Эрнандесом о выгрузке.

Хорнблауэр вспомнил почти пустые кладовые фрегата – а ему надо кормить триста восемьдесят человек. Мало того – как любого капитана, его раздражала зависимость от берега. Он не успокоится, пока не загрузит «Лидию» водой, провиантом, дровами и всем необходимым в количестве, чтобы, в крайнем случае, обогнуть мыс Горн и добраться если не до Англии, то хотя бы до Вест-Индии или острова Святой Елены.

– Я не смогу сгрузить ничего, сударь, пока не будут удовлетворены нужды моего корабля, – сказал он.

Эрнандес, слыша, как он кощунственно перечит Эль-Супремо, с шумом втянул воздух. Брови Альварадо сошлись; на мгновение показалось, что сейчас он поставит на место строптивного капитана, но тут же его лицо разгладилось – он понял, как глупо ссориться с новым союзником.

– Конечно, – сказал он – Пожалуйста, скажите генералу Эрнандесу, что вам нужно – он все обеспечит.

Хорнблауэру приходилось иметь дело с испанскими офицерами. Он прекрасно знал их способность обещать, но не делать, тянуть, ловчить и обманывать. Он догадывался, что повстанческие офицеры в Испанской Америке, соответственно, во много раз ненадежнее. Лучше изложить свои требования сейчас, пока есть слабая надежда, что хотя бы часть их будет удовлетворена в ближайшем будущем.

– Завтра мне надо заполнить бочки водой, – сказал он.

Эрнандес кивнул.

– Неподалеку от того места, где мы высадились, есть ручей. Если хотите, я пришлю людей вам на подмогу.

– Спасибо, но этого не потребуется. Этим займется моя команда. Кроме воды мне нужно...

Хорнблауэр в уме перебирал бесчисленные нужды фрегата, прошедшего семь месяцев в море.

– Да, сеньор?

– Мне нужно двести быков. Двести пятьдесят, если они тощие и низкорослые. Пятьсот свиней. Сто квинталов⁴ соли. Сорок тонн корабельного хлеба, а если невозможно достать сухарей, то соответственное количество муки, печи и дрова для их изготовления. Сок сорока тысяч лимонов или апельсинов – бочки я предоставляю. Десять тонн сахара. Пять тонн табака. Тонна кофе. Вы ведь выращиваете картофель? Двадцать тонн картофеля.

По мере того как он перечислял, лицо Эрнандеса все вытягивалось и вытягивалось.

– Но, капитан... – осмелился вставить он, но Хорнблауэр оборвал его.

– Теперь наши текущие нужды, на то время, что мы в гавани, – продолжал он. – Мне потребуется пять быков в день, две дюжины кур, яйца, сколько сможете достать, и свежие овощи в количестве, достаточном для дневного потребления моей команды.

По природе Хорнблауэр был самым кротким из людей, но когда дело касалось его корабля, страх потерпеть неудачу делал его неожиданно жестким и безрассудным.

– Двести быков! – повторил несчастный Эрнандес. – Пятьсот свиней!

– Именно, – неумолимо отвечал Хорнблауэр. – Двести тучных быков.

Тут вмешался Эль-Супремо.

– Проследите, чтобы нужды капитана были удовлетворены, – сказал он, нетерпеливо взмахнув рукой. – Приступайте немедленно.

Эрнандес колебался лишь долю секунды, потом вышел. Большая бронзовая дверь бесшумно затворилась за ним.

---

⁴ Единица массы во многих странах Латинской Америки, в Испании и Португалии, равная 100 фунтам. В разных странах размер квинтала колеблется от 45 до 69 кг.

– С этими людишками иначе нельзя, – небрежно бросил Эль-Супремо. – Они хуже скотов. Совершенно напрасно было бы с ними миндальничать. Без сомнения, по дороге сюда вы видели подвергаемых наказанию преступников?

– Да.

– Мои земные предки, – сказал Эль-Супремо, – немало изощрались, придумывая новые казни. Они с различными церемониями сжигали людей на кострах. Они с музыкой и танцами вырезали им сердце или выставляли на солнцепек в свежеснятых шкурах животных. Я нашел, что это совершенно излишне. Довольно приказать, чтобы человека привязали к столбу и не давали ему воды. Человек умирает, и с ним покончено.

– Да, – сказал Хорнблауэр.

– Они неспособны усвоить даже простейшие понятия. Некоторые и до сего дня не поняли простейшего факта, что кровь Альварадо и Монтесумы божественна. Они до сих пор поклоняются своим нелепым Христам и Девам.

– Да? – сказал Хорнблауэр.

– Один из первых моих последователей так и не смог избавиться от внушенных ему в детстве предрассудков. Когда я объявил о своей божественной сущности, он, представьте, посмел предложить, чтобы в племена отправили миссионеров, обращать их, словно я основал новую религию. Он так и не понял, что это не вопрос чьих-то мнений, это реальность. Разумеется, он умер от жажды в числе первых.

– Разумеется.

Хорнблауэр был изумлен до глубины души, но напоминал себе, что должен действовать заодно с этим безумцем. Пополнение запасов «Лидии», если ничто иное, зависело от их согласия – а это было делом первой жизненной необходимости.

– Ваш король Георг, вероятно, в восторге, что я избрал его в союзники, – продолжал Эль-Супремо.

– Он поручил мне передать вам заверения в своей дружбе, – осторожно сказал Хорнблауэр.

– Конечно, – согласился Эль-Супремо, – на большее он не отважился. Кровь дома Гвельфов, естественно, не может сравниться с кровью Альварадо.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр. Он обнаружил, что этот ни к чему не обязывающий звук столь же полезен в разговоре с Эль-Супремо, как и в разговоре с лейтенантом Бушем.

Брови Эль-Супремо сдвинулись.

– Я полагаю, вам известна, – сказал он немного сурово, – история дома Альварадо? Вы знаете, кто из его представителей первым достиг этой страны?

– Он был одним из спутников Кортеса... – начал Хорнблауэр.

– Одним из спутников? Ничего подобного. Удивляюсь, что вы поверили в эту ложь. Он был вождем конкистадоров; историю извратили, утверждая, будто их вел Кортес. Альварадо завоевал Мексику, а из Мексики спустился на это побережье и завоевал его все, до перешейка. Он женился на дочери Монтесумы, последнего из императоров, и я как прямой потомок этого союза ношу имена Альварадо и Монтесумы. Но в Европе, задолго до того, как глава нашего рода прибыл в Америку, имя Альварадо прослеживается в глубь веков, дальше Габсбургов и визиготов, дальше Рима и империи Александра, к самым истокам времен. И посему вполне естественно, что в этом поколении, в моем лице, наш род достиг божественного состояния. Я удовлетворен, что вы согласны со мной, капитан... капитан...

– Хорнблауэр.

– Спасибо. Теперь, капитан Хорнблауэр, я думаю, нам следует перейти к планам расширения моей империи.

– Как вам будет угодно, – ответил Хорнблауэр. Он чувствовал, что должен соглашаться с безумцем по крайней мере, пока «Лидия» не пополнит запасы, хотя и без того слабая надежда возглавить успешный мятеж стала еще слабее.

– Бурбон, именующий себя королем Испанским, – продолжал Эль-Супремо, – содержит в этой стране человека, который называет себя главнокомандующим Никарагуа. Некоторое время назад я послал к этому господину гонца и повелел присягнуть мне на верность. Он не сделал этого и даже имел глупость публично повесить моего гонца в Манагуа. Те жалкие люди, которых он впоследствии послал, дабы взять под стражу мою божественную особу, частью были убиты по дороге, частью умерли у столбов, несколько же посчастливилось увидеть свет, и они вошли в мое войско. Насколько мне известно, сейчас главнокомандующий во главе армии в триста человек находится в городе Эль-Сальвадор. Когда вы выгрузите предназначенное мне оружие, я предполагаю двинуться на этот город, который сожгу вместе с главнокомандующим и непросвещенными из числа его людей. Быть может, капитан, вы захотите меня сопровождать? Зрелище горящего города довольно занимательно.

– Прежде я должен пополнить запасы, – стойко отвечал Хорнблауэр.

– Я отдал соответствующий приказ, – с налетом нетерпения сказал Эль-Супремо.

– В дальнейшем, – продолжал Хорнблауэр, – моей обязанностью будет установить местонахождение испанского военного корабля «Нативидад» – насколько мне известно, он где-то в этих водах. Прежде, нежели я смогу участвовать в каких бы то ни было наземных операциях, я должен убедиться, что он не представляет угрозы для моего корабля. Я должен либо захватить его, либо удостовериться, что он далеко.

– Тогда вам лучше захватить его, капитан. Согласно полученным мною сведениям он в любую минуту может войти в залив.

– Тогда я должен немедленно вернуться на корабль, – взволнованно проговорил Хорнблауэр. Мысль, что в его отсутствие фрегат подвергнется нападению пятидесятипушечного корабля, повергла его в панику. Что скажут лорды Адмиралтейства, если «Лидию» захватят, пока ее капитан на берегу?

– Сейчас принесут обед. Вот! – сказал Эль-Супремо.

При этих словах дверь распахнулась. Толпою вошли служители. Они несли большой стол, на котором стояли серебряные блюда и четыре канделябра, каждый с пятью горящими свечами.

– Простите, но я не могу ждать, – сказал Хорнблауэр.

– Как хотите, – безразлично отвечал Эль-Супремо. – Альфонсо!

Мулат-мажордом с поклоном приблизился.

– Проводите капитана Хорнблауэра.

Произнеся эти слова, Эль-Супремо сразу принял вид сосредоточенной задумчивости, как будто не замечал суеты вносящих угощение слуг. Он ни разу не взглянул на Хорнблауэра. Тот стоял, обуреваемый противоречивыми чувствами. Он сожалел о поспешности, с которой изъявил желание вернуться на корабль, тревожился о припасах для «Лидии», беспокоился, не обидел ли хозяина и в то же время ощущал, что стоять в растерянности перед человеком, который не обращает на тебя внимания, – глупо и недостойно.

– Сюда, сеньор, – сказал Альфонсо, трогая его за локоть. Эль-Супремо невидящими глазами смотрел вверх его головы. Хорнблауэр покорился и пошел за мажордомом в патио.

Здесь в полумраке его ждали два человека с тремя лошадьми. Молча, обескураженный внезапным поворотом событий, Хорнблауэр поставил ногу в сцепленные ладони полуголового слуги, вставшего рядом с лошадью на колени, и сел в седло. Эскорт выехал в ворота, Хорнблауэр последовал за ними. Быстро сгущалась ночь.

За поворотом дороги перед ними открылся залив. На небе быстро проступал молодой месяц. Неясный силуэт посреди серебристых вод указывал местоположение «Лидии» – она,

по крайней мере, была чем-то прочным и обыденным в этом безумном мире. Горные вершины на востоке внезапно окрасились багрянцем, озаряя висящие над ними облака, и тут же погрузились во тьму.

Они ехали быстрой рысью по крутой дороге, мимо стонущих людей у столбов, мимо смердящих трупов, в маленький городишко. Там не было ни света, ни движения; Хорнблауэру пришлось отпустить поводья и доверить лошади самой следовать за провожатыми. Стук лошадиных копыт затих на мягком прибрежном песке. Хорнблауэр одновременно услышал душераздирающие стоны первого человека, которого увидел привязанным к столбу, и заметил слабо фосфоресцирующую кромку воды.

В темноте он прошел к поджидавшей лодке и сел на банку. Под аккомпанемент целого потока проклятий невидимые гребцы оттолкнулись от берега. Стоял полный штиль – морской бриз с закатом улегся, а береговой еще не задул. Невидимая команда налегала на весла, и перед взорами возникала вода – едва заметная пена, след пробуждающего фосфоресценцию гребка. Под ритмичный плеск весел они медленно двигались по заливу. Вдалеке Хорнблауэр увидел неясные очертания «Лидии» и через минуту услышал долгожданный голос Буша:

– Эй, на лодке!

Хорнблауэр сложил ладони рупором и крикнул:

– «Лидия»!

Капитан королевского корабля, находясь в лодке, называет себя именем этого корабля.

Теперь Хорнблауэр слышал то, что ожидал услышать, видел то, что ожидал увидеть: топот бегущих по шкафуту боцманматов и фалрепных, размеренный шаг морских пехотинцев, мелькание фонарей. Лодка подошла к борту, и он вспрыгнул на трап. Как хорошо было снова ощутить под ногами прочные дубовые доски. Боцманматы хором свистели в дудки, морские пехотинцы взяли ружья на караул, на шкафуте Буш приветствовал Хорнблауэра со всей торжественностью, какая пристала капитану.

В свете фонарей Хорнблауэр прочел облегчение на честном лице Буша. Он оглядел палубу: одна вахта, завернувшись в одеяла, лежала на голых палубных досках, другая сидела на корточках возле подготовленных к бою пушек. Буш надлежащим образом принял все меры предосторожности на время стоянки в предположительно враждебном порту.

– Очень хорошо, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. Теперь он заметил, что белые панталоны испачканы грязным седлом, а лучшие шелковые чулки продрались на икрах. Он стыдился и своего неприглядного вида, и своей безрезультатной поездки. Он злился на себя и боялся, что Буш, узнай тот, как обстоят дела, стал бы его презирать. Щеки его горели от стыда, и он прибег к обычному средству – загадочной немногословности.

– Кхе-хм. Позовите меня, если будет надобность.

И не проронив больше ни слова, двинулся в каюту, где вместо убранных переборок теперь висели парусиновые занавески.

Буш смотрел ему вслед. По всему заливу мерцали тлеющие вулканы. Команда, взволнованная прибытием в незнакомые места и с нетерпением ждавшая вестей о будущем, обнаружила, что обманулась в своих ожиданиях. Офицеры с отпавшими челюстями провожали капитана взглядом.

На какую-то секунду Хорнблауэр почувствовал, что его драматическое появление и исчезновение перевешивают горечь неудачи, но только на секунду. Сев на койку и отослав Полвила, он вновь упал духом. Удастся ли завтра получить припасы? Удастся ли поднять мятеж, который удовлетворил бы Адмиралтейство? Как пройдет бой с «Нативидадом»?

И, думая обо всем этом, он то и дело краснел, вспоминая, как отослал его Эль-Супремо. Очень немногие капитаны на службе его британского величества стерпели бы подобную бесцеремонность.

«Но что я мог, черт возьми, поделывать?» – жалобно спрашивал он себя.

Не гася фонарь, Хорнблауэр лег на койку. Так он и лежал, обливаясь потом в жаркой тропической ночи, вновь и вновь переносясь мыслями из прошлого в будущее и обратно.

И тут парусиновые занавески захлопали. По палубе пробежал легкий порыв ветра. «Лидия» разворачивалась на якоре. Хорнблауэр чувствовал, как натянулся якорный канат и по кораблю пробежала легкая дрожь. Береговой бриз наконец задул. Тут же стало прохладнее. Хорнблауэр перевернулся на бок и заснул.

Глава V

Сомнения и страхи, терзавшие Хорнблауэра, пока он пытался заснуть, рассеялись с наступлением дня. Проснувшись, он почувствовал прилив сил. Он пил кофе, который принес ему на заре Полвил. В голове роились новые планы, и впервые за много недель Хорнблауэр освободил себя от утренней прогулки по шканцам. На палубу он вышел с мыслью, что, по крайней мере, наполнит бочки водой и запасется дровами, и первым же приказом отправил матросов к талям, спускать баркас и дежурные шлюпки. Вскоре они отошли к берегу, нагруженные пустыми бочонками. Гребцы возбужденно переговаривались. На носу каждой шлюпки сидели два морских пехотинца, твердо помнящие напутствие своего сержанта: если дезертирует хотя бы один матрос, их всех до единого выпорют кошками.

Час спустя вернулся под всеми парусами баркас, осевший под тяжестью полных бочек. Пока бочки поднимали из шлюпки и спускали в трюм, мичман Хукер подбежал к Хорнблауэру и козырнул.

– На берег пригнали быков, сэр, – сказал он.

Хорнблауэру стоило некоторого труда сохранить невозмутимый вид и надлежащим образом принять новость.

– Как много? – выговорил он – вопрос показался ему уместным, чтобы протянуть время, но ответ удивил его еще более:

– Сотни, сэр. Главный даго много чего говорил, но ни один из наших по-ихнему не понимает.

– Пришлите его ко мне, когда следующий раз отправитесь на берег, – сказал Хорнблауэр.

За оставшееся время Хорнблауэр постарался все продумать. Он окликнул впередсмотрящего на грот-бом-брам-стеннге, желая убедиться, что тот внимательно следит за морем. Существует опасность, что со стороны океана подойдет «Нативидад». Тогда «Лидия» окажется застигнута врасплох в то время, как половина ее команды на берегу, не успеет выйти из залива и принуждена будет сражаться в замкнутых водах с многократно более сильным противником. С другой стороны, есть шанс укомплектовать запасы и не зависеть от берега. Исходя из всего виденного, Хорнблауэр опасался тянуть с независимостью: в любой момент мятеж дона Хулиана Альварадо может захлебнуться в крови.

Эрнандес прибыл все на той же лодке с двумя латинскими парусами, которая вчера доставила Хорнблауэра на берег. На шканцах они обменялись приветствиями.

– Четыреста бычков ожидают ваших приказов, капитан, – сказал Эрнандес. – Мои люди пригнали их на берег.

– Хорошо, – сказал Хорнблауэр. Он еще не принял окончательного решения.

– Боюсь, свиней придется подождать, – продолжал Эрнандес. – Мои люди собирают их по окрестностям, но свиней гнать долго.

– Да, – сказал Хорнблауэр.

– Касательно соли. Нелегко будет собрать сто квинталов, как вы просили. До того как наш повелитель объявил о своей божественности, соль была королевской монополией и потому редка, но я отправил отряд на соляные ямы Хикилиньо в надежде раздобыть там.

– Да, – сказал Хорнблауэр. Он помнил, что потребовал соль, но не мог вспомнить, сколько именно запросил.

– Женщины собирают апельсины и лимоны, – продолжал Эрнандес. – Но боюсь, нужное количество будет не раньше чем через два дня.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр.

– Сахар лежит на сахарном заводе Эль-Супремо. Что до табака, сеньор, у нас большой запас. Какой сорт вы предпочитаете? Последнее время мы скручивали сигары только для собственных нужд, но я могу вновь засадить женщин за работу, как только они соберут фрукты.

– Кхе-хм. – Хорнблауэр удержал восторженный возглас, который чуть не вырвался у него при этих словах – последнюю сигару он выкурил три месяца назад. Его матросы потребляют низкосортный виргинский табак из скрученных сухих листьев, но такого, понятно, на этом побережье не сыщешь. Правда, он часто видел, как британские моряки с удовольствием жуют полупросушенный туземный лист.

– Пришлите сигар, сколько сочтете возможным, – сказал Хорнблауэр. – Что до остального, можете прислать любой.

Эрнандес поклонился.

– Спасибо, сеньор. Кофе, овощи и яйца раздобыть будет, естественно, легко. Но вот что касается хлеба...

– Ну?

Эрнандес заметно нервничал.

– Да простит меня ваше превосходительство, но у нас растет только маис. Немного пшеницы растет на тьерра темплада⁵, но она все еще в руках непросвещенных. Подойдет ли маисовая мука?

Эрнандес с тревогой смотрел на Хорнблауэра. Только тут Хорнблауэр осознал, что тот дрожит за свою жизнь, и что односложное одобрение реквизиций со стороны Эль-Супремо куда действеннее, чем снабженный печатями приказ одного испанского чиновника другому.

– Это очень серьезно, – сурово сказал Хорнблауэр. – Мои английские моряки не приучены к маисовой муке.

– Знаю, – пролепетал Эрнандес, судорожно перебирая сцепленными пальцами. – Но я должен заверить ваше превосходительство, что пшеничную муку я могу взять только с боем, и знаю, Эль-Супремо пока не хочет, чтобы мы сражались. Эль-Супремо разгневется.

Хорнблауэр вспомнил, с каким жалким страхом взирал вчера Эрнандес на Эль-Супремо. Несчастный трепещет, что его признают не справившимся с возложенными обязанностями. И тут Хорнблауэр неожиданно вспомнил то, о чем непростительно забыл. Это гораздо важнее, чем табак и фрукты, и уж неизмеримо важнее, чем разница между маисовой и пшеничной мукой.

– Очень хорошо, – сказал он. – Я согласен на маисовую муку. Но в качестве компенсации я должен буду попросить кое-что еще.

– Конечно, капитан. Я предоставлю все, что вы попросите. Только назовите.

– Мне нужно питье для моих матросов, – сказал Хорнблауэр. – Есть у вас здесь вино? Спиртные напитки?

– У нас есть немного вина, ваше превосходительство. Очень немного. На этом побережье пьют спиртной напиток, вам, вероятно, неизвестный. Он хорош, когда хорошо приготовлен. Его гонят из отходов сахарного завода, из патоки, ваше превосходительство.

– Ром, клянусь Богом! – воскликнул Хорнблауэр.

– Да, сеньор, ром. Сгодится ли он вашему превосходительству?

– Раз нет ничего лучше, я возьму ром, – сурово ответил Хорнблауэр.

Сердце прыгало от радости. Его офицерам покажется чудом, что он раздобыл ром и табак на этом вулканическом побережье.

– Спасибо, капитан. Приступить ли нам к убою скота?

---

⁵ «Умеренные земли» – средний высотный лесной пояс в горах Центральной и Южной Америки; имеет умеренно теплую погоду на протяжении всего года.

Этот-то вопрос Хорнблауэр и пытался разрешить для себя с той минуты, когда услышал о бычках.

Он посмотрел на впередсмотрящего. Прикинул силу ветра. Посмотрел на море, и только тогда решился окончательно.

– Очень хорошо, – сказал он наконец. – Мы начнем сейчас.

Морской бриз был слабее, чем вчера, а чем слабее ветер, тем меньше шансов, что появится «Нативидад». Так и случилось, что вся работа прошла без помех. Два дня шлюпки сновали между берегом и судном. Они возвращались, нагруженные разрубленными тушами; прибрежный песок покраснел от крови убитых животных, а потерявшие всякий страх стervятники объелись сваленной в груды требухой до коматозного состояния. На борту корабля баталер и его команда под безжалостным солнцем, как проклятые, солили мясо и расставляли бочки в кладовых. Купор и его помощники двое суток почти без продыху изготавливали и чинили бочки. Мешки с мукой, бочонки с ромом, тюки с табаком – матросы у талей, обливаясь потом, поднимали все это из шлюпок. «Лидия» набивала себе брюхо.

Не сомневаясь больше в повстанцах, Хорнблауэр приказал выгружать предназначенное для них оружие. Теперь шлюпки, возившие на корабль мясо и муку, возвращались, нагруженные ящиками с ружьями, бочонками с порохом и пулями. Хорнблауэр приказал спустить гичку и время от времени обходил на ней вокруг корабля, наблюдая за дифферентом. Он хотел, чтобы в любой момент можно было сняться с якоря и выйти в море для поединка с «Нативидадом».

Работа продолжалась и ночью. За пятнадцать лет в море – пятнадцать лет войны – Хорнблауэр нередко видел, как недостаток энергии, нежелание или неумение выжать из команды все, оборачиваются потерями. Что далеко ходить – на него и сейчас временами накатывал стыд за упущенного возле Азорских островов капера. Боясь вновь уронить себя в собственных глазах, он загонял матросов до изнеможения.

Пока некогда было наслаждаться прелестями берега. Правда, береговые отряды готовили себе пищу на огромных кострах и после семи месяцев вареной солонины отъедались жареным мясом. Однако с характерным для британских моряков упрямством они брезгливо отворачивались от экзотических плодов – бананов и папайи, ананасов и гуаявы, усматривая заурядную скаредность в том, что фрукты им предлагали вместо законной порции вареного гороха.

И вот, на второй вечер, когда Хорнблауэр прогуливался по шканцам, наслаждаясь свежайшим морским бризом, ликуя, что он еще на шесть месяцев независим от берега, и с чистой радостью предвкушая жареную курицу на ужин, с берега донеслась пальба. Сперва редкая перестрелка, потом нестройный залп. Хорнблауэр забыл свой ужин, свое довольство, все. Любого рода неприятности на берегу означали, что его миссия под угрозой. Не помня себя от спешки, он приказал спустить гичку, и матросы, подгоняемые ругательствами старшины Брауна, гребли к берегу так, что гнулись весла.

То, что Хорнблауэр увидел, обогнув мыс, подтвердило его худшие опасения. Весь наземный десант плотной толпой сгрудился на берегу; десяток морских пехотинцев выстроились с фланга в шеренгу – они перезаряжали ружья. Матросы были вооружены чем попало. Дальше большим полукругом стояли туземцы, угрожающе размахивая саблями и ружьями, на ничейной полосе лежали два трупа. У кромки воды, позади моряков лежал еще один матрос. Два товарища склонились над ним. Он опирался на локоть, его рвало кровью и водой.

Хорнблауэр выпрыгнул на мелководе. Не обращая внимания на раненого матроса, он протиснулся сквозь толпу. Когда он оказался на открытом месте, над полукругом поднялся дымок, и пуля просвистела у него над головой. На это он тоже не обратил внимания.

– Ну-ка опустить ружья! – заорал он на пехотинцев и повернулся к возбужденным туземцам, выставив вперед ладони в универсальном и инстинктивном примиряющем жесте.

За себя он не боялся – злость, что кто-то поставил под удар его шансы на успех, вытеснила всякую мысль об опасности.

– Что все это значит? – спросил он.

Десантом командовал Гэлбрейт. Он собирался заговорить, но ему не дали. Один из матросов, державших умирающего, протиснулся вперед, позабыв о дисциплине в слепом порыве сентиментального возмущения – это свойственное обитателям нижней палубы чувство Хорнблауэр всегда почитал опасным и достойным презрения.

– Они тут мучили одного бедолагу, сэр, – сказал матрос. – Привязали к столбу и оставили умирать от жажды.

– Молчать! – прогремел Хорнблауэр, вне себя от ярости, не столько из-за нарушения дисциплины, сколько предвидя неизбежные трудности. – Мистер Гэлбрейт!

Гэлбрейт был несообразителен и не быстр на слова.

– Не знаю, с чего все началось, сэр, – выговорил он. Хотя он с детства служил на флоте, речь его сохраняла легкий шотландский акцент. – Вон оттуда прибежал отряд. С ними был Смит, раненный.

– Он уже умер, – вставил кто-то.

– Молчать! – вновь прогремел Хорнблауэр.

– Я увидел, что они собираются на нас напасть, и приказал морским пехотинцам стрелять, сэр, – продолжал Гэлбрейт.

– С вами я поговорю позже, мистер Гэлбрейт, – рявкнул Хорнблауэр. – Ты, Дженкинс. И ты, Пул. Что вы там делали?

– Ну, сэр, дело было так, сэр... – начал Дженкинс. Теперь он был сконфужен и растерян. Хорнблауэр остудил его пыл, к тому же его публично уличили в дисциплинарном проступке.

– Вы знаете, что был приказ никому не заходить за ручей?

– Да-а, сэр.

– Завтра утром я вам покажу, что значит приказ. И вам тоже, Пул. Где сержант морской пехоты?

– Здесь, сэр.

– Хорошо вы сторожите, раз у вас люди разбегаются. Для чего все эти пикеты?

Сержанту нечего было ответить. Неопровержимые свидетельства недосмотра были налицо, оставалось только застыть по стойке «смирно».

– Мистер Симмондс поговорит с вами завтра утром, – продолжал Хорнблауэр. – Не думаю, что вам и дальше придется носить нашивки.

Хорнблауэр сурово обзрел десант. Яростный нагоняй заставил всех сникнуть и при-смиреть. Он вдруг сообразил, что добился этого, ни единым словом не извинив латиноамериканское правосудие. Гнев его сразу пошел на убыль. Он повернулся к Эрнандесу, который галопом подскочил на низкорослой лошадке и вздыбил ее, столбом поднимая песок.

– Эль-Супремо приказал вам напасть на моих людей? – Хорнблауэр дал свой первый бортовой залп.

При имени «Эль-Супремо» Эрнандеса передернуло.

– Нет, капитан, – сказал он.

– Полагаю, Эль-Супремо будет недоволен, – продолжал Хорнблауэр.

– Ваши люди пытались освободить приговоренного к смерти преступника, – сказал Эрнандес наполовину упрямо, наполовину извиняясь. Он явно не уверен в себе и не знает, как Альварадо отнесется к случившемуся. Хорнблауэр, продолжая говорить, старался, чтобы в голосе по-прежнему звучала сталь. Насколько он знал, никто из англичан не понимает по-испански, и (теперь, когда дисциплина восстановлена) полезно показать команде, что он полностью на ее стороне.

– Из этого не следует, что ваши люди могут убивать моих, – произнес он.

– Они злы. Их обобрали, чтобы раздобыть для вас провиант. Тот человек, которого ваши матросы пытались освободить, приговорен за попытку утаить своих свиней.

Эрнандес сказал это укоризненно и с некоторым даже гневом. Хорнблауэр хотел пойти на мировую, но так, чтобы не задеть чувства своих людей. Он намеревался отвести Эрнандеса в сторонку и заговорить помягче, но не успел, потому что внимание его привлек всадник, во весь опор скачущий вдоль берега залива. Он махал широкополой соломенной шляпой. Все глаза обратились на него. По виду это был обычный пеон-индеец. Задыхаясь, он выкрикнул:

– Корабль... корабль приближается!

От волнения он перешел на индейскую речь, и дальнейшего Хорнблауэр не понял. Эрнандесу пришлось перевести.

– Этот человек дежурил на вершине горы. Он говорит, что видел паруса корабля, который идет к заливу.

Он быстро задал один за другим несколько вопросов. Дозорный отвечал кивками, жестами и потоком индейских слов.

– Он говорит, – продолжал Эрнандес, – что прежде часто видел «Нативидад» и уверен, что это тот корабль, и что он, без сомнения, направляется сюда.

– Как он далеко? – спросил Хорнблауэр.

Эрнандес перевел.

– Далеко, лиг семь или даже больше. Он идет с юго-запада – от Панамы.

Хорнблауэр в глубокой задумчивости потянул себя за подбородок.

– До захода морской бриз будет подгонять его, – пробормотал он себе под нос и поглядел на солнце. – Это час. Еще через час задует береговой бриз. В крутой бейдевинд он сможет идти тем же курсом. В заливе он будет к полуночи.

Идеи и планы роились в его мозгу. Вряд ли корабль подойдет в темноте – Хорнблауэр знал обыкновение испанцев убирать на ночь паруса и нелюбовь к сложным маневрам, кроме как в наиболее благоприятных условиях. С другой стороны... Он пожалел, что ничего не знает об испанском капитане.

– Часто ли «Нативидад» заходил в залив? – спросил он.

– Да, капитан, часто.

– Его капитан – хороший моряк?

– О да, капитан, очень хороший.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр. Мнение человека сухопутного о том, насколько искусен капитан фрегата, немногого, конечно, стоит, но это хоть какие-то сведения.

Хорнблауэр вновь потянул себя за подбородок. Он участвовал в десяти одиночных морских боях. Если он выведет «Лидию» из залива и примет бой в открытом море, оба корабля, вполне вероятно, безнадежно друг друга изувечат. Рангоут, такелаж, паруса и корпус – все разнесет в куски. На «Лидии» будет множество убитых и раненых, которых здесь, в Тихом океане, нечем заменить. Она растратит свои бесценные боеприпасы. С другой стороны, если она останется в заливе, а задуманный Хорнблауэром план не сработает – если «Нативидад» останется в море до утра, – «Лидии» придется лавировать из залива против морского бриза. Испанцы получают все возможные преимущества еще до начала боя. «Нативидад» и так настолько мощнее «Лидии», что вступать с ним в поединок – дерзость. Идти на риск, зная, что в случае неудачи превосходство противника еще усилится? Но возможный выигрыш был так велик, что Хорнблауэр все-таки решил рискнуть.

Глава VI

Призрачная в лунном свете, подгоняемая первыми порывами берегового бриза, скользила «Лидия» по заливу. Хорнблауэр не поставил паруса, дабы с далекого корабля в море не приметили их отблеск. Баркас и тендер буксировали корабль, промеряя по пути дно, в приглубые воды за островом у входа в залив – Эрнандес, когда Хорнблауэр набросал ему свой план, сказал, что остров называется Мангера. Час потели на веслах матросы, хотя Хорнблауэр, как мог, помогал им, стоя подле штурвала и по возможности используя ветровой снос, вызываемый давлением бриза на рангоут «Лидии». Наконец они достигли новой стоянки, и якорь плеснул о воду.

– Привяжите к якорному канату буй и приготовьтесь отцепить его, мистер Буш.

– Есть, сэр.

– Подведите шлюпки к борту. Пусть матросы отдохнут.

– Есть, сэр.

– Мистер Джерард, оставляю палубу на вас. Следите, чтобы впередсмотрящие не уснули. Мистер Буш и мистер Гэлбрейт спустятся со мной в каюту.

– Есть, сэр.

Корабль кипел молчаливым возбуждением. Все догадывались, что задумал капитан, хотя детали, которые Хорнблауэр излагал сейчас своим лейтенантам, были по-прежнему неизвестны. О приближении «Нативидада» доложили два часа назад, Хорнблауэр напряженно шлифовал свой план. Нигде не должно случиться осечки. Все, что можно сделать для достижения успеха, надо сделать.

– Все понятно? – спросил Хорнблауэр наконец. Он встал, неловко пригибаясь под палубными бимсами занавешенной каюты. Лейтенанты вертели в руках шляпы.

– Так точно, сэр.

– Очень хорошо, можете идти, – сказал Хорнблауэр.

Однако через пять минут тревога и нетерпение вновь выгнали его на палубу.

– Эй, на мачте! Видите неприятеля?

– Только-только появился из-за острова, сэр. Корпус еще не видать, только марсели, сэр, под брамселями.

– Каким курсом он идет?

– Держит круто к ветру, сэр. На этом курсе он сможет войти в залив.

– Кхе-хм, – сказал Хорнблауэр и снова ушел вниз. Часа четыре, по меньшей мере, пока «Нативидад» войдет в залив и можно будет действовать. Хорнблауэр, ссутулившись, заходил по крошечной каюте и тут же яростно себя одернул. Хладнокровный капитан его мечты ни за что не довел бы себя до такого исступления, пусть даже четыре часа спустя утвердится или рухнет его профессиональная репутация. Надо показать всему кораблю, что и он может стойко сносить неопределенность.

– Позовите Полвила, – бросил он, выходя из-за занавеса и обращаясь к стоящим у пушки матросам. Когда Полвил появился, он продолжал: – Передайте мистеру Бушу мои приветствия и скажите – если он может отпустить мистера Гэлбрейта, мистера Клэя и мистера Сэвиджа, я был бы рад поужинать с ними и сыграть партию в вист.

Гэлбрейт тоже нервничал. Мало того, что он ждал боя – над ним все еще висел обещанный выговор за дневную стычку. Он теребил сухощавые шотландские руки, скуластое лицо пылало. Оба мичмана были смущены и ерзали на стульях.

Хорнблауэр настроился изображать радушного хозяина, в то время как каждое произносимое слово должно было укреплять его славу человека, абсолютно невозмутимого. Он извинился за скудный ужин – при подготовке к бою тушили все огни и вследствие этого

еду подавали холодной. Однако вид холодных жареных цыплят, жареной свинины, золотых маисовых пирогов и фруктов разбудил в шестнадцатилетнем мистере Сэвидже здоровый мальчишеский аппетит и заставил его позабыть смущение.

– Это лучше, чем крысы, – сказал он, потирая руки.

– Крысы? – переспросил Хорнблауэр рассеянно. Как ни старался он выглядеть внимательным, мысли его были на палубе, не в каюте.

– Да, сэр. В последние месяцы плавания крысы сделались излюбленным блюдом мичманской каюты.

– Именно, – подхватил Клэй. Он отрезал солидный ломоть поджаристой свинины и вдобавок положил себе на тарелку половину жареного цыпленка. – Я платил этому плуту Бэйли по три пенса за отборную крысу.

Хорнблауэр отчаянным усилием оторвал мысли от приближающегося «Нативидада» и перенесся в прошлое, когда сам был полуголодным мичманом, страдающим тоской по дому и морской болезнью. Его старшие товарищи за милую душу уплетали крыс, приговаривая, что откормленная крыса куда вкуснее соленой говядины, два года простоявшей в бочке. Сам Хорнблауэр так и не преодолел отвращения, но не собирался сейчас в этом признаваться.

– Три пенса за крысу – немного дороговато, – сказал он. – Не припомню, чтобы в бытность свою мичманом платил столько.

– Как, сэр, вы тоже ели крыс? – спросил изумленный Сэвидж.

В ответ на прямой вопрос Хорнблауэру оставалось только солгать.

– Конечно, – сказал он. – Мичманские каюты мало изменились за двадцать лет. Я всегда считал, что крыса, отъевшаяся в хлебном ларе, сделала бы честь королевскому, не то что мичманскому столу.

– Разрази меня гром! – выдохнул Клэй, откладывая нож и вилку. До сего момента ему и в голову не приходило, что его суровый негибемый капитан был когда-то мичманом-крысоедом.

Оба мальчика восхищенно воззрились на капитана. Этот маленький человеческий штрих совершенно их покорило – Хорнблауэр знал, что так оно и будет. На другом конце стола Гэлбрейт шумно вздохнул. Сам он ел крысу три дня назад, но отлично знал, что, сознавшись в этом, ничего не приобрел, а скорее потерял бы в глазах этих мальчиков – такого уж сорта он был офицер. Хорнблауэр постарался ободрить и Гэлбрейта.

– Ваше здоровье, мистер Гэлбрейт, – сказал он, поднимая бокал. – Должен извиниться, это не лучшая моя мадера, но я оставил две последних бутылки назавтра, чтобы угостить испанского капитана, нашего пленника. За наши будущие победы!

Они выпили; скованность исчезла. Хорнблауэр сказал «нашего пленника» и «наши победы» – большинство капитанов сказала бы «моего» и «мои». Строгий капитан, ревнитель дисциплины, на мгновение приоткрыл свою человеческую сущность и показал подчиненным, что они – его собратья. Любой из трех молодых офицеров сейчас отдал бы за капитана жизнь – и Хорнблауэр, оглядывая их раскрасневшиеся лица, об этом знал. Это и льстило ему, и одновременно раздражало – но впереди бой, возможно – отчаянный, и он должен знать, что команда будет сражаться не за страх, а за совесть.

Еще один мичман, молодой Найвит, вошел в каюту.

– Мистер Буш свидетельствует свое почтение, сэр, и сообщает, что с палубы неприятельское судно видно уже целиком.

– Оно по-прежнему держит курс на залив?

– Да, сэр. Мистер Буш говорит, через два часа будет на расстоянии выстрела.

– Спасибо, мистер Найвит. Можете идти, – сказал Хорнблауэр.

Стоило напомнить, что через два часа ему сражаться с пятидесятипушечным кораблем, и сердце снова заколотилось. Судорожным усилием он сохранил невозмутимый вид.

– Вдоволь времени, чтобы сыграть роббер, джентльмены, – сказал он.

Один вечер в неделю капитан Хорнблауэр играл со своими офицерами в вист. Для последних – а для мичманов в особенности – это было тяжким испытанием. Сам Хорнблауэр играл превосходно, чему способствовали наблюдательность и пристальное внимание к психологии подчиненных. Однако многие офицеры плохо понимали игру и путались, не запоминая вышедших карт – для них вечерний вист с Хорнблауэром был сущей пыткой.

Полвил убрал со стола, расстелил зеленое сукно и принес карты. С началом игры Хорнблауэру легче стало позабыть о надвигающейся битве. Вист был его страстью и поглощал целиком, что бы ни происходило вокруг. Только в перерывах между партиями, пока подсчитывали и сдавали, учащалось сердцебиение и к горлу подступал комок. Он внимательно следил за лежащими на стол картами, помня ученическую привычку Сэвиджа ходить с тузов и то, что Гэлбрейт неизменно забывает показать короткую масть. Роббер закончился быстро; на лицах младших офицеров было написано чуть ли не отчаяние, когда Хорнблауэр протянул колоду, чтобы еще раз определить партнеров. Сам он хранил неизменное выражение лица.

– Вам, Клэй, следует запомнить, – сказал он, – что, имея короля, даму и валета, вы должны идти с короля. На этом построено все искусство захода.

– Есть, сэр, – отвечал Клэй, шутовски косясь на Сэвиджа. Хорнблауэр посмотрел строго, и Клэй поспешно сделал серьезное лицо. Игра продолжалась и всем казалась нескончаемой. Однако и она подошла к финалу.

– Роббер, – объявил Хорнблауэр, подводя счет. – Я думаю, джентльмены, нам почти пора подниматься на палубу.

Общий вздох облегчения. Все завозили под столом ногами. Хорнблауэр чувствовал, что любой ценой должен показать свою невозмутимость.

– Роббер не кончился бы, – сказал он сухо, – если б мистер Сэвидж следил за счетом. Чтобы спасти роббер, мистеру Сэвиджу и мистеру Гэлбрейту хватило бы одной взятки. Посему мистер Сэвидж на восьмом ходу должен был не рисковать, а крыть червовым тузом. Признаю, если бы прорезывание оказалось успешным, он получил бы две лишние взятки, но...

Хорнблауэр продолжал вещать, остальные трое корчились на стульях. Однако, когда он пошел впереди них по трапу, они переглянулись, и в глазах их было восхищение.

На палубе стояла мертвая тишина. Матросы лежали на боевых постах. Луна быстро садилась, но как только глаза привыкли к темноте, стало ясно, что света еще достаточно. Буш отдал капитану честь.

– Неприятель по-прежнему направляется к заливу, сэр, – сообщил он хрипло.

– Пошлите снова команду в тендер и баркас, – ответил Хорнблауэр. Он взобрался по бизань-вантам до крюйс-стень-рея. Отсюда он видел море за островом, где на фоне садящейся луны отчетливо различались паруса «Нативидада». Испанский корабль круто к ветру входил в залив. Борясь с возбуждением, Хорнблауэр старался предугадать действия испанского капитана. Едва ли в темноте с «Нативидада» различат стеньги «Лидии» – на таком допущении и основывался весь план. Скоро испанцы повернут оверштаг и новым галсом двинутся к острову. Быть может, они предпочтут пройти его на ветре, но навряд ли. Чтобы войти в залив, они вынуждены будут повернуть оверштаг, – и тут вступит «Лидия». Паруса «Нативидада» посветлели и почти сразу опять потемнели – он поворачивало. Испанец направляется в середину прохода, но ветровой снос и отлив неминуемо погонят его обратно к острову. Хорнблауэр спустился на палубу.

– Мистер Буш, – сказал он. – Пошлите матросов наверх, приготовьтесь отдать паруса.

Босые ноги тихо зашлепали по палубе и по вантам. Хорнблауэр вынул из кармана серебряный свисток. Он не потрудился спросить, все ли проинструктированы в своих обязанностях: Буш и Джерард – толковые офицеры.

– Сейчас я пойду на нос, мистер Буш, – сказал Хорнблауэр. – Я постараюсь вернуться на шканцы вовремя, но если нет, вы знаете мои приказы.

– Так точно, сэр.

Хорнблауэр торопливо прошел по переходному мостику, мимо каронад на полубаке, мимо орудийных расчетов, и залез на бушприт. С блинда-рея он мог заглянуть за остров. «Нативидад» шел прямо на него. Хорнблауэр видел фосфоресцирующую пену под водорезом и чуть ли не слышал плеск рассекаемой воды. Он судорожно сглотнул, и тут же возбуждение прошло, осталось ледяное спокойствие. Он забыл про себя, мозг, как машина, просчитывал время и расстояние. Уже слышался голос лотового на руслене «Нативидада», хотя слов было не разобрать. Корабль подходил все ближе. Теперь Хорнблауэр различал гул голосов. Испанцы, по обыкновению, беспечно болтали, никто не смотрел как следует, никто не заметил голые стены «Лидии». Потом с палубы «Нативидада» донеслись приказы: поворачивали оверштаг. При первом же звуке Хорнблауэр поднес к губам серебряный свисток и дунул. На «Лидии» миг закипела работа. Паруса на всех реях были подняты одновременно. Отцепили якорный канат и шлюпки. Корабль спускался под ветер. Хорнблауэр на бегу столкнулся с матросами, тянувшими брасы, упал, вскочил и побежал. «Лидия» набирала скорость. Он оказался у штурвала вовремя.

– Прямо руль! – крикнул он рулевому. – Немного лево руля! Еще чуть-чуть! Теперь, руль круто направо!

Так быстро все произошло, что испанцы только-только успели закончить поворот и набирали скорость на новом галсе, когда из-за острова вылетела «Лидия» и проскрежетала о борт. Месяцы учений не прошли для английской команды втуне. Едва корабли соприкоснулись, пушки «Лидии» громыхнули одним сокрушительным бортовым залпом, осыпав палубу «Нативидада» градом картечи. Марсовые пробежали по реям и накрепко сцепили корабли. Атакующие с громкими криками высыпали на шкафут левого борта.

На палубе испанца царило полное смятение. Только что все выполняли маневр, и вот в следующую минуту неизвестный враг взял их на абордаж. Вспышки неприятельских пушек разорвали на куски ночь, повсюду падали убитые. На палубу с жуткими воплями хлынули вооруженные люди. Самая дисциплинированная и опытная команда не устояла бы перед таким натиском. Все двадцать лет, что «Нативидад» курсировал вдоль тихоокеанского побережья, не менее четырех тысяч миль отделяло его от любого возможного противника на море.

Однако нашлись brave моряки и они попытались оказать сопротивление. Офицеры вытащили шпаги; на высоких шканцах стоял вооруженный отряд – оружие выдали в связи со слухами о восстании на берегу; кое-кто из матросов похватал шпилевые вымбовки и кофель-нагели. Однако с верхней палубы волна атакующих с пиками и тесаками смыла их почти мгновенно. Лишь раз прозвучал пистолетный выстрел. Тех, кто сопротивлялся, либо убили, либо оттеснили вниз; остальных согнали вместе и окружили.

На нижней палубе испанцы металась в поисках вожаков, которые организовали бы оборону. Они собирались в темноте, готовые противостоять неприятелю и защищать люки, когда за спинами у них оглушительно заорали. Две шлюпки под командованием Джерарда подошли к левому борту, и матросы, рычагами выломав орудийные порты нижней палубы, хлынули внутрь, оглашая корабль дикими воплями в полном соответствии с приказом. Хорнблауэр наперед знал: чем больше шума поднимут нападающие, тем вернее деморализуют неорганизованных испанцев. Внезапная атака окончательно сломала сопротивление верхней палубы.

Предусмотрительность Хорнблауэра, отрядившего две шлюпки для отвлекающего удара, полностью себя оправдала.

Глава VII

Капитан «Лидии», как обычно, гулял утром по шканцам своего корабля. Испанские офицеры, завидев его, сунулись было с церемонными приветствиями, но их оттеснили матросы, негодуя, что какие-то пленники потревожат освященную многими месяцами прогулку.

Хорнблаэру было о чем поразмыслить. И впрямь, за множеством осаждавших его забот некогда было ликовать об одержанной победе, хотя прошлой ночью его фрегат, захватив двухпалубный корабль и не потеряв при этом ни одного человека, совершил беспрецедентный в обширных анналах британской военно-морской истории подвиг. Думал же он о том, что делать дальше. Устранив «Нативидад», он сделался властелином Южного моря. Он отлично знал, что наземное сообщение сильно затруднено, и вся торговля – можно сказать, вся жизнь – полностью зависит от каботажных перевозок. Теперь же без его ведома не пройдет ни одна лодка. За пятнадцать военных лет он усвоил, что значит власть на море. Теперь, по крайней мере, есть шанс с помощью Альварадо разжечь в Центральной Америке настоящий пожар – испанское правительство еще проклянет день, в который решило связать свою судьбу с Бонапартом.

Хорнблаэр ходил взад и вперед по присыпанной песком палубе. Перед ним открывались и другие возможности. Северо-восточнее от них лежит Акапулько, куда приходит и откуда отправляется ежегодно галеон, везущий на миллион стерлингов сокровищ. Захватив галеон, он в одночасье делается богат – тогда он купит в Англии поместье, целую деревню, и заживет сквайром, и чтобы селяне приподымали шляпы, когда он будет проезжать мимо в экипаже – Марии бы это понравилось, хотя Мария в роли знатной дамы будет выглядеть диковато.

Хорнблаэр оторвался от созерцания Марии, пересаженной в деревенскую усадьбу из меблированных комнат в Саутси. На востоке Панама, с перуанским золотом, с жемчужной флотилией, с золотом алтарей, который не дался в руки Моргану, но достанется ему. Ударить сюда, в средоточие межматериковых сообщений, наиболее благоразумно стратегически, равно как и потенциально наиболее выгодно. Он постарался собраться мыслями на Панаме.

На баке рыжеволосый ирландец Салливан взгромоздился со скрипкой на платформу каронады, а вокруг него человек шесть матросов, ударяя в палубу мозолистыми ступнями, энергично наступали на партнеров. Гиней по двадцать на брата, самое меньшее, получают они за трофей, и в воображении они уже тратили эти деньги. Хорнблаэр посмотрел туда, где покачивался на якоре «Нативидад». Его шкафут чернел от команды, согнанной на верхнюю палубу. На старомодном полуюте и шканцах Хорнблаэр видел красные мундиры и кивера морских пехотинцев. Видел он и направленные на шкафут каронады, и матросов с горящими фитилями подле них. Джерард, которого он оставил призмастером на борту «Нативидада», служил в свое время на ливерпульском работорговце. Уж он-то знает, как держать в повиновении полный корабль враждебно настроенных людей – впрочем, Хорнблаэр, забрав от них офицеров, не ждал с их стороны неприятностей.

Надо еще решить, что делать с «Нативидадом» и особенно с пленными. Нельзя поручить их человеколюбивым милостям Эль-Супремо, да и команда этого не потерпит. Хорнблаэр напряженно думал. Мимо пролетала цепочка пеликанов. Они летели безукоризненным строем, ровнее, чем Ла-Маншский флот на маневрах. Птица-фрегат, величественная, с раздвоенным хвостом, кружила над ними на неподвижных крыльях и, решив, очевидно, что пикировать не стоит, полетела к острову, где усердно промышляли рыбу бакланы. Солнце уже припекало, вода в заливе синела, как море над ней.

Хорнблауэр проклинал солнце, пеликанов и птицу-фрегат, мешавших ему сосредоточиться. Он мрачно прошелся по палубе еще раз пять-шесть. Тут на пути его встал мичман Найвит и козырнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.